

ОЛЫГА

ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ОТВЕТ
ПЕРЕД
ВЫСШИМ
СУДОМ

Ольга Геннадьевна Володарская

Ответ перед высшим судом

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26719897
Ответ перед высшим судом : [роман] / Ольга Володарская:
Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98807-5*

Аннотация

Старика-ювелира Абрама Лившица называли Кощеем. Всю жизнь он имел дело с золотом и антиквариатом, но обитал в покосившемся бараке и много лет носил одну и ту же одежду. Однако даже перед лицом смерти Лившиц не сказал, где золото, над которым он чах...

Рита жила в сказке, которая все не заканчивалась хеппи-эндом. Она, как Рапунцель, была заточена в высотном доме-башне злой мачехой, а принц все не появлялся. Но чудо все же свершилось! Принц с простым именем Коля был готов ради нее на подвиг, но его убили...

Никто не догадывался, что между этими двумя смертями есть связь, пока жена Коли – да, у принца имелась своя принцесса! – не узнала, что предки ее мужа и старого ювелира хранили общую тайну. В нее был посвящен и прадед Риты...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	37
Глава 3	63
Глава 4	80
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ольга Володарская

Ответ перед высшим судом

*Герои и события этой книги вымышлены. Любое
совпадение случайно.*

© Володарская О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Старик с самого утра плохо себя чувствовал. Сначала решил – давление подскочило. Померил, оказалось нормальное. Не как у космонавта, естественно, но для его возраста просто отличное. Старик был метеозависим и мог бы свалить все на погоду, но погода стояла чудесная. Прохладно для первой половины мая, но солнечно. Он любил именно такую погоду. Поэтому выполз из своей норы со складным стульчиком. Еще пять лет назад он много гулял по хорошей погоде. Прохаживался по обширному парку, находящемуся неподалеку, радуясь тому, что парк мало изменился. Город, в котором он родился и вырос, будто вывернули наизнанку. Был респектабельным, размеренным, в хорошем смысле провинциальным и самобытным, а теперь – кичливый, шумный, перегруженный, застроенный махинами торговых центров, стоящий в бесконечной пробке. Даже Волга, на берегу которой город был основан восемьсот лет назад, как будто стала менее величественной. Обмелела, ее берега заковали в цемент, а на мостах, соединяющих две части города, и днем и ночью толклись машины, воняя выхлопными газами и нарушая пронзительными гудками гармонию.

Старик мог говорить об этом бесконечно. Но его никто не слушал. Поэтому он ругался себе под нос, сидя на раскладном стульчике во двореике своего дома, частично сползшего с

речного откоса. В этом доме он обитал один. Другие жильцы уехали. Вселились в гигантские коробки из шлакоблочных плит. А он остался, хотя квартиру дали и ему.

При старике был термос со сладким чаем с ложкой бальзама, единственного алкогольного напитка, который он употреблял. Когда был моложе, стопку. Теперь, на исходе жизни, ложку. Налив себе чаю, старик сначала понюхал его и, насладившись ароматом, пригубил. Что бы ни думали молодые, а в глубокой старости тоже есть место удовольствию. Пусть оно и не такое яркое, как секс или покорение снежной вершины, все равно жизнь полна радостей. Тех, маленьких, что не замечаются, когда ты в расцвете сил.

Умирать старику не хотелось. Хотя уже пожил, и, кроме маленьких радостей, в этом мире его ничего не держало: ни семьи, ни близких друзей. Но, просыпаясь утром, он всегда благодарил Небеса за то, что получил еще один день.

– Привет, старик, – услышал он и обернулся на голос. – Помнишь меня?

Старик кивнул. Память его в последнее время все чаще подводила, но он еще не выжил из ума.

– Ты приготовил деньги?

– Я же тебе говорил – у меня нет денег.

– Не может быть. Ты, как Кощей, чах над золотом долгие годы. Копил, не тратил. Живешь сейчас в развалюхе и говоришь, нет денег? Не верю.

– Как хочешь, – пожал плечами старик.

Он знал, что его сейчас убьют. И хотя не торопился на тот свет, думал о том, что сегодняшний день не самый плохой для смерти. Старик сделал еще один глоток чая и устремил свои выцветшие глаза в ясное небо. Лицо обдало теплым ветерком. Как будто Всевышний погладил по щеке, успокаивая.

И старик, который не верил в Бога, начал молиться. Не как положено – его не научили, как это делать, а по-своему. Впервые в жизни. Но он не успел закончить. Почувствовав на своей шее, которую еще секунду до этого согревал шарф, ледяное прикосновение, он прервался. Прикосновение обожгло до боли! И пришел страх. Жуткий, панический. Страх, перед которым не устоять. Старику показалось, что сама Смерть обхватила его горло своими пальцами. И сразу захотелось жить. Пусть еще капельку. Хотя бы минуту, чтобы закончить молитву. А лучше день, чтобы подвести итог и насладиться оставшимся временем по-настоящему, зная, что этот день последний. Кому-то позвонить, что-то написать, пройтись по парку, проехаться на такси по городу. И съесть что-нибудь вкусное. Например, шашлык из баранины. Старик отказывал себе в жареном мясе последние лет двадцать, потому что на следующий день мучился жуткими болями в желудке. Но если завтра умирать, то это не имеет никакого значения...

Старик хотел побороться, однако быстро начал терять сознание. Но хватался за его остатки, чтобы позволить жизни

промелькнуть перед глазами. Ведь именно так якобы должно быть перед смертью. Но ни одно значимое событие не всплыло в памяти и не отобразилось на экране мысленного взора в виде эпизода или даже застывшего кадра. Как будто и не жил...

Когда ледяные пальцы на шее старика сомкнулись так сильно, что в легкие совсем перестал поступать кислород, он очень себя разочаровал. Вместо того чтобы раскаяться во всех своих грехах, он со злорадством подумал: «Не видать вам всем злата Кощеева!»

И, успокоив себя этой мыслью, закрыл глаза...

Часть первая

Глава 1

Огромный кабинет в стиле хай-тек. Минимум мебели, и вся она такая хрупкая с виду, что кажется, заденешь – и сломается, как карточный домик. Стены белые, но не как в больнице – в декоративной штукатурке «искры», это измельченные ракушки. На одной из стен плазма размером с бильярдный стол. Потолок стальной, в него встроены разнокалиберные светодиодные лампы, и если включить их все одновременно, создается впечатление, что ты на космическом корабле. Пол черный. В нем, как в зеркале, отражаются огни. А при дневном свете видно каждое пятнышко, поэтому уборщице платят двойную зарплату. Окно от пола до потолка. Жалюзи на нем, как правило, подняты. Хозяин кабинета любит смотреть на город с высоты двадцать второго этажа. Ему кажется, что он парит над городом.

Илья Бердников отошел от окна, возле которого распил бутылку шампанского стоимостью в две тысячи долларов. Это был не самый дорогой игристый напиток из существующих. Лично он видел, как на одном из аукционов российский олигарх приобрел бутылку за двести пятьдесят тысяч. Шампанское предназначалось императору Николаю II, но

корабль, перевозивший его, затонул и был поднят спустя сто лет. Бердников же купил «обычный» «Дом Периньон» 1967 года выпуска, запасы которого были случайно обнаружены в одном из подвалов французского особняка. Напиток не королей, но аристократов. Илья не особо разбирался в элитном алкоголе и приобрел это шампанское лишь для того, чтобы отметить свой успех. Не настоящий – будущий. Он попал на тот аукцион, еще будучи начинающим бизнесменом, и сумма в две тысячи долларов была для него большущей. Машина Бердникова стоила не намного дороже. А тут какая-то бутылка!

В фужере еще оставалось шампанское, но Илья не стал допивать. Ему хотелось кофе. И бутерброд с семгой. Еще вчера он незамедлительно получил бы и то и другое, отдав распоряжение своему помощнику, но с сегодняшнего дня у него началась новая жизнь, в которой не было места любым подчиненным. Илья Бердников продал свой бизнес, и офис, в котором он сейчас находился, был уже не его.

В животе заурчало. Захотелось запихнуть в него хоть что-то. Илья покинул кабинет и переместился в приемную. Здесь всегда царила Марта, бессменная помощница Бердникова. Когда он начинал свой бизнес, Марта была единственной его служащей. И чтец, и жнец, и на дуде игрец: и секретарь, и бухгалтер, и менеджер. Без нее Илья не справился бы. Поэтому он подарил ей часть акций своего предприятия, и теперь, после его продажи, Марта стала обеспеченной женщиной.

Марта была очень полной, подвижной, говорливой женщиной средних лет, густо красилась и пахла цветочными духами. Имела сына, трех обожаемых племянников и четырех мужей, двух бывших, настоящего и будущего. Приемная была небольшой, и Марта заполняла ее всю. Своим телом, ароматами, голосом, вещичками: косметикой, фотографиями близких, шальями и палантинами, под которыми прятала свои телеса. И вот сейчас, когда помощница покинула свое рабочее место, приемная стала неудобной, холодной, брошенной. Она буквально осиротела. Тесное помещение с письменным столом, кухонным уголком и тремя пластиковыми креслами, как в аэропорту. Илья не сомневался, займи Марта его кабинет, там бы тоже появилась душа. А если бы она выбрала себе в начальники не его, любого другого, то тот, другой, а не Илья, добился бы успеха. Марта приносила удачу. И была фантастической женщиной, поэтому, невзирая на недостатки внешности, имела успех у лиц противоположного пола.

Илье стало грустно от осознания того, что теперь они редко будут видеться с Мартой. Если вообще будут...

В холодильнике ничего не оказалось, кроме кабачковой икры. Те деликатесы, что всегда его наполняли, были съедены днем во время небольшого фуршета после подписания документов купли-продажи. А что осталось, наверняка утащила домой Марта, обожающая всякие вкусности, особенно дармовые. А вот кабачковая икра ее не прельщала. Как

и никого, кроме Ильи. Именно для него икра и покупалась. Бердников вырос на ней, и, несмотря на то что теперь его привычной едой стали мраморная говядина, устрицы и трюфеля, кабачковой икрой он продолжал лакомиться.

Открутив крышку и вооружившись ложкой, Илья начал поедать любимый деликатес. Банка ушла за пару минут. Сыто облизнувшись, Бердников вернулся в кабинет. Кофемашины он на привычном месте не обнаружил (ее тоже наверняка прихватила Марта) и решил запить икру шампанским. Выпив еще бокал, Илья отодвинул зеркальную дверку встроенного шкафа и снял с вешалки костюм. Темно-синий от «Хьюго Босс». Под ним рубашка и галстук в тон, сверху целлофановый чехол. Каждый уважающий себя бизнесмен имеет в шкафу смену одежды.

Илья задвинул дверку и посмотрел на себя в зеркало. На нем сейчас похожий костюм, но от «Бриони». Классический однобортный пиджак на трех пуговицах, в меру узкие брюки. Сидит как влитой. И выглядит Илья в нем идеально. В молодости Бердников считался невзрачным парнем. Был слишком худощав, лопоух, лохмат. Волосы торчали ершиком, особенно сильно вздымаясь над левой стороной лба, как говорят в народе, будто корова языком лизнула. Илья считал, что его лохмы не могут хорошо смотреться, поэтому сбривал их под два миллиметра. Но когда попал в руки хорошего парикмахера, поразился тому, что из его «щетки» можно соорудить отличную прическу, с которой он даже выглядел

менее лопоухим. То, что деньги облагораживают внешность, Илья понял, заработав свой первый миллион долларов. Он смог не только посещать хороший парикмахерский салон, но и спортзал, где его гонял персональный тренер, и начать правильно питаться, и вещи заказывать у лучших портных. Богатство облагородило его. Внешне – совершенно точно. Сейчас, будучи тридцатипятилетним миллионером, Бердников даже самому себе нравился. Высокий, спортивный, загорелый, белозубый, с копной русых с редкой проседью волос, он не мог выглядеть лучше. Разве что если бы сделал операцию на уши и удалил лазером шрам на подбородке. Но на это он идти не собирался.

Бердников сложил ноутбук и сунул его в сумку. Туда же кинул ручку с золотым пером и бриллиантовой крошкой на колпачке. Ручка ему не нужна больше, но не оставлять же...

Илья перекинул костюм через локоть. В левую руку взял сумку, в правую – пустую бутылку из-под шампанского. Хотелось швырнуть ее в телик или в окно, но он не стал этого делать. Выбросил в урну, стоящую у двери, и навсегда покинул свой кабинет.

В здании, где все двадцать два этажа были проданы или сданы под офисы, стояла тишина. Рабочий день давно закончился, поэтому Илья ждал лифта секунд пять. Зайдя в него, он снова посмотрел на себя в зеркало. Лицо невеселое. А он-то думал, что, когда добьется главной цели своей жизни, будет улыбаться беспрестанно и чисто, как идиот.

Начиная свой бизнес в двадцать три года, Илья Бердников дал себе десять лет на то, чтобы достичь успеха. Не просто преуспеть, а заработать столько денег, чтоб их хватило до конца дней. Есть такая пословица: кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает. Илья хотел поработать десять лет настолько хорошо, чтобы потом только отдыхать. Но ему понадобилось чуть больше времени. Если бы не кризис, Бердников уложился бы в десятилетие. Но пришлось потратить лишних два с половиной года. В итоге не в тридцать три, а в тридцать пять он стал не только богатым, но и свободным. Впереди безбедная и беспроблемная жизнь!

Лифт остановился на шестом этаже. Двери разъехались.

– Добрый вечер, Илья Павлович, – поприветствовал Бердникова новый пассажир.

– Здравствуй, Костя. Ты сегодня припозднился.

– Да, пришлось задержаться, чтобы закончить квартальный отчет.

Они были ровесниками, Илья Павлович и Костя. Последний работал менеджером в фирме, занимающейся поставками канцтоваров. Мечтал о повышении. Стремился к нему уже второй год, взваливая на себя кучу обязанностей. Бердников знал парня потому, что Марта жалела его и не только заказывала у Кости скрепки и степлеры для офиса, но и подкармливала его в обеденный перерыв. Она называла его «Белек». Как детеныша тюленя. Марте казалось, что Костя немного похож на него внешне и так же беззащитен.

– Когда тебя наконец сделают старшим менеджером? – спросил Илья. Марта просила пристроить Костю к ним, но Бердников уже надумал продавать фирму и не хотел портить Бельку карьеру. Ведь рано или поздно он обязан был добиться повышения.

– В следующем месяце, – бодро ответил Костя.

– Тебе обещали это или ты просто надеешься?

– Ну... – Он сразу поник. Голова опустилась, плечи ссутулились. Типичная жертва. Можно сказать, карикатурная. Рыхловатое тело, втиснутое в ужасающий костюм мышинного цвета, бледное лицо с безвольным подбородком, редеющие волосы, зачесанные набок. Именно такими в голливудских комедиях показывают неудачников.

Лифт тем временем опустился. Двери разъехались. Илья вышел в фойе первым, Костя следом за ним.

– Хочу тебе совет дать, – сказал Бердников. – Пойди завтра к начальнику и перед тем, как отдать отчет, потребуй повышения. Не попроси – потребуй. И не слушай отговорок и обещаний. Отчет в обмен на приказ о повышении.

– Я попробую, – неуверенно проговорил Костя.

Илья покачал головой. Нет, не выйдет у Белька ничего. Перенервничает, вспотеет, задрожит и телом, и голосом, и босс, почувствовав слабость, морально задавит его.

– Знаешь, как меня называют в этом здании? – спросил он у Кости.

– Бэтмен.

– Точно, – усмехнулся Илья и щелкнул себя по оттопыренному уху.

– Нет, не поэтому, – смутился Белек. – Вы сильный, смелый, обитаете наверху, носите темное и ездите на машине, похожей на «бэтмобиль».

– Принято. Так вот, Костя, я уйду на покой и хочу передать тебе... Нет, не «бэтмобиль», конечно, а вот эти доспехи. – И сунул в руку Кости вешалку с костюмом. – Надень их завтра на работу и почувствуй силу супергероя.

– Это же костюм от «Хьюго Босс», – прошептал Белек. – Он стоит шестьдесят тысяч рублей.

– Девяносто пять, я брал его в ЦУМе. Да, и вот еще что... – Бердников открыл сумку и достал из нее ручку. – Это тоже тебе. Распишешься этим пером в приказе о повышении. Удачи тебе, Костя!

И, ободряюще хлопнув впавшего в ступор Белька по плечу, Илья покинул здание офисного центра.

* * *

Машина Ильи, «бэтмобиль», как сказал Белек, была не особо дорогой. Не «Мазерати» или «Порше». Даже не «Мерседес». Всего лишь «Ниссан», но прокачанный лучшим специалистом Европы по тюнингу авто. Именно ему Илья завтра отвезет машину, чтобы сбыть ее с рук. Тачка больше не нужна, потому что Илья намеревается отправиться в круго-

светное путешествие.

Маршрут он пока не разрабатывал. Этому приятному занятию он посвятит несколько дней начиная со следующей недели. Сейчас вторник. То есть времени на то, чтобы отметить свободу, предостаточно. Со среды до воскресенья Илья будет только отрываться. Ходить по барам, клубам, ресторанам, саунам. Бухать, сорить деньгами, снимать телочек. Есть суши с тел азиатов. Отдавать свое тело во власть массажисткам. Наполнять ванны шампанским и забираться в них в обнимку с красивыми цыпочками. Делать ровно то, чем, как ему казалось в двадцать с небольшим, упиваются богачи. Теперь-то Бердников знал, что успешные бизнесмены так озабочены приумножением денег, что не могут расслабиться больше чем на пару часов. Поэтому позволял себе все годы только умеренные развлечения, но сейчас он свободен и может творить что угодно.

Припарковав свой «бэтмобиль», Илья выбрался из салона. Дом, где он жил, был построен в конце тридцатых годов прошлого века и считался тогда самым высоким зданием города. Возвышался над остальными, преимущественно трехэтажными, которыми был застроен исторический центр. В перестройку натыкали «свечек» на тех площадях, что освободились после того, как пожгли сараи и ветхое жилье, но сталинская высотка со шпилем до сих пор оставалась престижнейшим зданием города. И Илья умудрился приобрести в ней квартиру.

От стоянки до подъезда нужно было пройти метров пятьсот, если срезать через дворы. Шагая привычным маршрутом, Бердников увидел скопление людей. Машины «Скорой» и полиции. На первой сигнальная фара не была отключена, и свет слепил Илью каждые несколько секунд. Заслонившись от мигания ладонью, он подошел к толпе.

– Что случилось? – спросил он у сутулого мужика, жадно курящего в кулак вонючую папиросу.

– Убийство. Мужика замочили. Вон, на «Скорой» забирают тело. Глянь.

Смотреть не хотелось. Илья боялся покойников.

– А точно замочили? – уточнил он.

– По башке долбанули монтировкой. Ну или чем-то похожим.

– Видел?

– Не, – мотнул головой собеседник, – слышал. Менты обсуждали.

– Пьяная драка?

– Ни боже мой. Покойник весь в фирме. При часах золотых. Наверняка из буржуйской высотки – толстосумы через наши дворы дорогу от стоянки срезают.

– То есть часы с руки не сняли?

– Не успели. – И с такой досадой мужик это сказал, что Бердникову стало ясно, он сам думал обчистить труп. – Тетки-собачницы обнаружили его еще теплого. Доберманов своих посадили тело охранять, чтоб не подошел к нему ни-

кто, и давай звонить ментам.

– Да я не об этом – если часы на руке, значит, не с целью грабежа убили.

– А, ну да, наверное... – Мужик швырнул папиросу в сторону и начал хлопать по карманам в поисках пачки. – Хотя собачницы могли спугнуть нападающего. Слушай, у тебя закурить нет? Я, по ходу, свою пачку выронил.

– Не курю.

Илья зашагал дальше, с каждым шагом ускоряя темп. Хотелось поскорее очутиться дома.

Зайдя в подъезд, он в который раз порадовался, что они избавились от консьержек. Еще два года назад они стояли, точнее, сидели на своих боевых постах. И жутко Илью раздражали. Не все, а один конкретный, Макар Васильевич. Когда-то давным-давно Макар Васильевич служил на границе и подъезд охранял с тем же рвением. Но беда в том, что пройти через КПП Макара не могли не только разносчики листовок и побирушки, но и гости жильцов, не внесенные в список. К холостяку Бердникову постоянно приезжали барышни, порой спонтанно, и он не то что фамилий – имен некоторых не помнил. Поэтому выходил из себя всякий раз, когда консьерж звонил, чтобы убедиться, имеет ли он право пропускать гражданку такую-то. Именно Бердников инициировал соседей на то, чтобы поменять входные двери, системы допуска и охраны. В каждом подъезде имелись камеры, в квартире домофоны с экраном, а за порядком из своей обо-

рудованной аппаратурой комнаты следил один на весь дом профессиональный охранник.

Лифт поднял Илью на шестой этаж. Двери открылись, он вышел. На площадке было четыре квартиры. Его крайняя слева. Сделав к ней шаг, Бердников остановился. На полу возле двери сидела женщина. Стройная, с длинными темными волосами – волосы падали на лицо и закрывали его целиком.

Сначала Илья подумал, что женщина пьяна. Но запаха алкоголя не учуял. Наркоманка? Но уж очень хорошо одета. И на руках, что беспомощно висят вдоль тела, модные браслеты. Хотя сейчас и богатые сидят на разных веществах. Особенно модели, содержанки и дочери богатых папашек. А женщина, которую он видел перед собой, вполне могла быть одной из них. Да, он не видел лица, но фигура прекрасная. Ноги просто точеные. Ухоженные блестящие волосы, изящные руки с аккуратным маникюром. Своих соседей Бердников знал плохо. Если не сказать, что не знал вовсе. Барышня могла быть как соседкой, так и гостьей кого-то из соседей. Илья даже допустил мысль, что она элитная проститутка, которую чем-то накачали и вытолкали за порог.

– Барышня, с вами все в порядке? – спросил он у незнакомки.

Та слабо пошевелилась, и только.

– Вам плохо? Если да, то кивните, я позвоню в «Скорую помощь».

– Мне плохо, – услышал он хриплый голос, – но никуда звонить не нужно. Спасибо.

– Вы тут живете?

– Да. Я тут живу.

– Одна или с кем-то?

– Одна или с кем-то...

Язык у женщины не заплетался. Но она повторяла фразы Ильи, и это его напрягло. Точно под каким-то мощным кайфом. Он решил оставить наркоманку в покое, зайти в квартиру и позвонить охраннику, пусть разбираются с нею те, кому за это платят деньги, но тут она подняла голову и, убрав волосы от лица плавным взмахом руки, взглянула на Бердникова.

Первое, что он заметил – это ее глаза!

Зелено-желтые. Миндалевидные. Похожие на кошачьи, но теплые. Потом Илья обратил внимание на кровоподтек на виске. А под волосами виднелась сизая шишка.

– Вы попали в беду? – выпалил Илья, опускаясь на корточки. Незнакомка была не пьяницей или наркоманкой, а жертвой несчастного случая или нападения.

– Не знаю. Не помню. Наверное, я попала в беду.

Девушка (ей было не больше двадцати пяти) схватила Бердникова за локоть. Руки у нее оказались ледяные, и холод чувствовался даже через три слоя материала: шерсть пиджака, шелк подкладки, хлопок рубашки.

– Помогите мне, прошу.

– Я готов это сделать, поэтому и предложил вызвать «Скорую».

– Нет. – Она мотнула головой и тут же коротко застонала.

– Тогда полицию?

– Просто помогите мне попасть домой.

– Хорошо. Где вы живете?

– Тут.

– Я понял, что в этом подъезде, но в какой квартире?

– Я живу тут, – и указала на его дверь.

– Нет, вы что-то путаете, здесь живу я.

Девушка снова опустила голову. Темно-каштановые волосы водопадом низвергались на лицо.

– Этого не может быть, – услышал Илья. – Я тут выросла. Знаю в доме и в квартире каждый закуток. Тут живу я.

– Возможно, когда-то жили? Я купил это жилье четыре года назад, и продал мне его пожилой господин по фамилии Лившиц. Может быть, вы его внучка?

– Лившиц? Абрам Карлович? Отлично его знаю. У него мастерская в подвале. Ребенком я обожала заглядывать туда и смотреть, как дядя Абрам колдует над драгоценными металлами. А еще он тайно антиквариатом торговал. Но я не его внучка. Даже не родственница. И не жил он в нашем доме. У него на соседней улице в бараке комната была. Он все ждал, когда барак снесут, чтоб новую квартиру дали.

Илье было ясно, что в памяти девушки стерлись события последних пяти лет как минимум. При травмах головы и не

такое бывает.

– Вас как зовут? – спросил Илья у незнакомки.

– Елизавета, Лиза, – без заминки ответила она.

– Уже хорошо. А фамилия у вас какая?

Девушка задумалась, но всего на пару секунд.

– Весенняя.

– Чудесная фамилия.

– Да, она чудесная... Только я не помню, какая именно.

– Вы же только что назвали...

– Читали рассказ Чехова «Лошадиная фамилия»?

– Естественно, это школьная программа. Там лошадиная фамилия оказалась – Овсов.

– А у меня какая, не знаю. Может, Майская? Вроде нет. Ручейкина? Тоже не то. Ландышева?

Пока Лиза перебирала варианты, Илья отпер дверь. Из квартиры приятно пахнуло полынью. Этот запах ассоциировался у него со счастливым детством. Деревенская бабушка, у которой Илья проводил все каникулы, при помощи сушеной полыни боролась с молью. Она набивала ею носки и шапки, перекладывала свитера, совала в карманы верхней одежды. Все вещи в итоге пропитывались горьковатым запахом, который, судя по количеству дырок, нравился не только Илье, но и моли. Став взрослым, Бердников не растерял своей любви к аромату детства. Все его одеколоны немного отдавали полынью, а в свой дом он приносил веточку и засовывал ее за подкову, висящую над дверью.

– Лиза, давайте зайдем в квартиру, – обратился к девушке Илья и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

– Но вы же говорите, я в ней не живу, – растерянно проговорила она, но вложила свою ладонь в его.

– Я приглашаю вас зайти в качестве гостя. Напою вас кофе или коньяком. – Девушка встала. Илья отметил, что она не так высока, как он думал. – А лучше – кофе с коньяком. Затем осмотрю вашу рану.

– Какую? – испугалась Лиза.

Илья указал. Девушка коснулась виска, затем переместила пальцы на шишку и вскрикнула. Бердников успокаивающе похлопал ее по плечу.

– Откуда у меня это? – прошептала Лиза.

– Что вы вообще помните из последнего? – спросил Илья, пропуская ее в квартиру.

– Как приятно пахнет, – пробормотала она. – Я помню, как увидела вас, и все...

– А в подъезд как попали?

– Не знаю. Наверное, зашла с кем-то из жильцов. Я пытаюсь напрячь память, но... У меня сразу в голове, – она указала на шишку, – вот тут, будто что-то взрывается, и темно-та...

– Вас обязательно нужно показать доктору.

– Нет, не надо!

– Но почему?

– Я панически боюсь врачей. Они чуть не убили меня! – И

резко повернулась к Илье, сверкая своими кошачьими глазами. – Я лежала на операционном столе и мысленно кричала: я умираю, спасите... А они ничего не делали.

– Когда это было?

– Не помню, – всхлипнула девушка.

– Тшшшш... Успокойтесь. Пойдемте в кухню. Кофе и коньяк отставить. Я заварю вам чая с мелиссой и накапаю валерианки. Может, вы голодны?

– Нет. Меня подташнивает.

Они переместились в кухню. Илья попытался усадить Лизу на кожаный диванчик, но она взобралась на подоконник со словами: «Мое любимое место».

Бердников включил чайник и достал аптечку. Лиза не следила за его манипуляциями, она смотрела в окно. Взгляд был напряженный. Она то ли вспоминала, то ли пыталась что-то рассмотреть.

– Во дворе одного из соседних домов произошло убийство, – сказал Илья. Взгляд незваной гостьи был направлен в сторону места преступления – там еще мигали огни «Скорой помощи».

Естественно, он бросил эту фразу не просто так. Между насильственной смертью «буржуя» в золотых часах и явлением девушки с раной на голове есть прямая связь. Ведь не бывает таких совпадений.

Они могли быть вместе, когда на них напали. Или напали на нее, но он вступился. Как вариант, он напал на нее,

она защищалась и не рассчитала силу удара. А еще нельзя исключать того, что она напала на него, чтобы убить...

И сейчас Лиза Весенняя либо в шоке от пережитого потрясения, либо в актерском кураже.

– Убийство? – переспросила она. – Да, я помню. Мужчину ударили по голове трубой. Он умер на месте.

– Вы его знали?

– Его все знали. Он многие годы дворником работал в нашем дворе. А жил в «больничном» доме. Знаете такой? В войну там госпиталь располагался, вот его так и прозвали.

– У вас опять все в голове перепуталось, – мягко заметил Илья. – «Больничный» дом снесли еще в конце девяностых, а в те годы вы были совсем маленькой девочкой.

– А сколько мне лет? – встрепелась она.

– На вид лет двадцать пять. И извините, если я дал вам больше...

Лиза задумалась, прикусив пальчик.

– Нет, я думаю, вы дали мне меньше. Потому что бывший госпиталь не был снесен, когда я училась в первом классе. Значит, мне... Тридцать или около того?

Бердников подошел к гостье с тампоном, пропитанным перекисью. Он хотел обработать рану, но девушка отстранилась.

– А вам сколько? – спросила она, посмотрев на Илью снизу вверх.

– Тридцать пять. Позвольте, я окажу вам первую помощь?

– Я сама. – Лиза отобрала у него тампон и убежала с ним в ванную, безошибочно определив, где она находится.

Вернулась девушка спустя минут пять. Чай к тому времени уже заварился и немного остыл. Илья приготовил чай и ей, и себе. Но себе еще и виски налил. Добавляя в стакан лед, подумал, что лед нужно и к Лизиной шишке приложить. Собрался предложить это, но госпожа Весенняя (Илья так называл гостью про себя) подала реплику первой:

– Зачем вы в ванной краны поменяли? Или это не вы, а до вас?

– Я делал ремонт в квартире полностью. И сантехнику, естественно, менял. Когда въехал, она была древней, хоть и в хорошем состоянии.

– Она была старинной, – поправила его Лиза. – Как и дверные ручки. Медные краны и мелкие детали интерьера из графской усадьбы – приданое моей бабушки.

– Ваша бабушка была графиней?

– Нет, что вы! Дочкой конюха. Но когда во время революционной смуты особняк грабили, мой прадед не успел к началу и довольствовался тем, что осталось. – Она прошла к столу и взяла чашку с чаем. – Бабка всю жизнь мыкалась по коммуналкам, поэтому наследство не устанавливала, с собой в сундучке возила. И только в этой квартире краны и ручки оказались на своих местах. – Лиза улыбнулась с ностальгической грустью. Если она актриса, то по ней плачет «Оскар».

Бердников насыпал в полотенце куски льда и, свернув его,

передал девушке. Она без слов поняла для чего. Илья глотнул виски и небрежно заметил:

– Странно, почему вы не забрали «наследство», когда съезжали с квартиры.

Лизино лицо тут же изменило выражение на растерянное.

– Да, это странно, – пробормотала она и вернула чашку на стол. – Как и то, что мы вообще отсюда съехали. Мы все обожали эту квартиру.

– Мы – это кто?

– Я и родители. Бабушка тоже, но она умерла, когда мне исполнилось четыре. И мы остались втроем. Папа называл эту квартиру первым семейным гнездом нашего рода, потому что ни у кого из моих предков не было своего пристанища. Крепостные, наемники, разнорабочие, скитающиеся по чужим и казенным углам. Мой отец был первым в роду, кто чего-то добился.

– Он жив?

– Нет.

– То есть вы помните, когда и при каких обстоятельствах он умер?

– Я просто знаю, что, если бы он был жив, мы бы не съезжали.

Илья залпом выпил виски. Лед, оставшийся на дне бокала, выкинул. Спиртного больше не хотелось. А вот съестного – да. Бердников распахнул холодильник и заглянул в его недра. Не пусто, но и не изобилие. Нет ничего такого, что

можно съесть тут же и с удовольствием. Пришлось довольствоваться связкой бананов. Очистив один, Илья вгрызся в мякоть.

– Я забыла, как вас зовут, – услышал он.

– Вы и не знали. Я не представлялся. Илья.

– Очень приятно.

– Хотите? – Он протянул девушке банан. Она покачала головой. – Лиза, при вас нет сумки, я это заметил сразу. Спрашивать, где она, бесполезно, я правильно понимаю? – Лиза кивнула. – То есть вы ее потеряли или у вас ее отняли. Но на вас кожаная куртка и джинсы. В каждом из предметов гардероба имеются карманы, проверьте их, пожалуйста.

Лиза тут же начала их выворачивать. На пол упали блеск для губ, пачка мятной жвачки и скомканная бумажная салфетка. Ни телефона, ни ключей, ни документов. Впрочем, Илья и не ждал, что в карманах окажется что-то из этих вещей – женщины такое носят в сумочках. А вот Лиза озадачилась:

– Почему при мне нет денег? Не крупных купюр – мелочи. На проезд или бутылку минеральной воды.

– На проезд? – усмехнулся Илья. – Автобус или метро?

– Да.

– Лиза, я не думаю, что вы пользуетесь общественным транспортом.

– Почему это? Я помню маршрутку под номером «сорок два». И синюю ветку метро.

– Ваша одежда и украшения намекают на то, что у вас имеется авто. Причем не самое дешевое. И если вы не водите сами, то вас возят. А маршрутка и метро – это из вашего детства.

Она задумалась. Снова забралась на подоконник и принялась болтать ногами. Обута она была в слипоны от Кристиана Лабутена. Настоящие. Стоимостью в шестьдесят тысяч рублей. Илья ориентировался в ценах на обувь этой марки, поскольку его последняя пассия бредила «лабутенами» и бросила его из-за того, что Бердников не купил ей ботфорты за сто пятьдесят тысяч. Посчитала это жлобством. Он же богатый. Значит, обязан заваливать свою барышню баснословно дорогими подарками. И плевать на то, что они встречаются всего два месяца...

– Я вожу машину, – проговорила Лиза. – И делаю это хорошо. Не то чтобы я это вспомнила... Но я сейчас представила себя на дороге и поняла, что знаю правила и понимаю, как маневрировать.

– А что, если вы попали в аварию? – пришло в голову Илье. – Врезались, скажем, в столб, а так как были не пристегнуты, вас бросило к окну и вы ударились виском о дверку. Получив сотрясение, потеряли ориентацию и память.

– Да, это вполне логичное предположение, – протянула она, но в голосе улавливалось сомнение.

– И если оно верно, то ответы на все вопросы мы получим, позвонив в ГИБДД.

Лиза прыгнула с подоконника, подошла к столу и взяла свою чашку. Чай остыл, она выпила его залпом и сказала решительно:

– Нет, я была без машины.

– Опять ощущение?

– Я в кожаной куртке. Зачем бы мне в машине сидеть в теплой одежде, да еще такой неудобной – она же узкая и сковывала бы движения? К тому же у меня на ногах не туфли на каблуке, с этими джинсами они смотрелись бы лучше, а тапочки, значит, я готовилась к прогулке.

– Это «лоферы».

– О, точно! Подумать только, из моей памяти вылетели даже модные словечки последних лет... – Она рассмеялась.

Илья улыбнулся в ответ. Но тут же стал серьезным.

– Лиза, может, мы перестанем гадать и позвоним в полицию?

Она ответила не сразу. Некоторое время кусала костяшечку указательного пальца (наверняка в детстве грызла ногти), после чего сморщилась, как будто сейчас заплачет, но глаза не увлажнились, а лишь расширились, и Лиза прошептала:

– Я боюсь.

– Да, неизвестность страшит, я понимаю...

– Нет, я боюсь полиции. Что, если я натворила что-то? Например, убила того мужчину, о котором вы говорили? Тогда меня арестуют, а я даже не найду, что сказать в свое оправдание?

– Покажите руки.

Лиза выставила вперед ладошки. Они едва заметно подрагивали.

– Мужчину ударили по голове арматурой или чем-то подобным, – припомнил слова сутулого курильщика Илья. – На ваших руках остались бы какие-то следы: грязь, царапины, кровь... Вы хрупкая девушка, а покойный – крупный мужчина. Справиться вам с таким было бы нелегко. – Бердников уже забыл, что и сам всего десять минут назад пусть и на миг допускал то, что госпожа Весенняя убила «буржуя». – А у вас чистые гладкие руки и идеальный маникюр.

– Может, я была в перчатках? И подкралась сзади, застав жертву врасплох? Или имела сообщника?

– Вам бы, Лиза, детективы писать.

– А что, если я это и делаю? Ведь я не помню, чем занимаюсь. – Она тяжело вздохнула. Снова потянулась к пальцу, чтобы куснуть его, но отдернула руку и сунула ее в карман. – Спасибо вам, Илья, за все. Но сделайте для меня еще одно одолжение – не звоните в полицию. Не сейчас, по крайней мере. Дайте мне время на то, чтобы прийти в себя. Откуда-то я помню, что страдающим амнезией прежде всего нужен покой. Я отдохну, выплусь и, глядишь, что-то вспомню.

– Хорошо.

– Ой, простите, я вас обманула. У меня не одна, а две просьбы.

– И какая же вторая?

– Не могли бы вы одолжить мне денег? Я верну. В залог оставляю вам украшения, вы говорите, они дорогие.

– На что вам деньги?

– На гостиницу.

– Без паспорта вас не поселят.

– Да, точно. Но тогда можно квартиру снять, которые посуточно сдаются. Хотя я не знаю адресов...

– Оставайтесь у меня.

Она посмотрела на него странно. Как будто с испугом.

Этот взгляд Илья расценил по-своему, решил, что Лиза боится, что он за постой потребует расплаты телом, поэтому успокоил:

– Я выделю вам отдельную комнату и не потревожу до утра. Вам незачем меня опасаться.

– Меня поражает то, что вы не опасаетесь меня.

– Есть немного, – улыбнулся он. – Но не на столько, чтобы выкидывать беззащитную девушку ночью на улицу. Оставайтесь, отдыхайте. Завтра мы вместе подумаем, как вам помочь.

– Даже если я ничего не вспомню?

– Выяснить, кто вы, не составляет труда. Если вы жили в этой квартире, вас кто-то из соседей узнает. Дальше дело техники. Мы вернем вам вашу личность как минимум.

Госпожа Весенняя порывисто подалась вперед и обняла Илью, застав его врасплох.

– Вы не представляете, как я вам благодарна, – выпалила

она. – Не знаю, что бы я делала, если бы не вы.

И уткнулась ему в плечо. Но тут же отстранилась, засмущавшись.

– Пойдемте, я покажу вам комнату, – предложил Бердников.

– Северную или восточную?

– Северную. Вы займете мою спальню. А я лягу на диване в гостиной, она восточная.

– А не лучше ли мне...

– Не лучше, – отрезал Илья. – Вам надо выспаться, а в гостиной солнце шпарит в окна с раннего утра.

«К тому же я буду видеть дверь спальни, – про себя добавил Илья. – И ты не выскользнешь оттуда незамеченной. У меня острый слух, и я среагирую на любой шорох».

Лиза Весенняя зацепила Бердникова. Ему нравилось в ней все: ее голос, низкий, но не грубый, ее тонкое тело с плавными изгибами, густые темные волосы, скуластое лицо с кошачьими глазами. Но Илья оставил ее у себя не потому, что влюбился без памяти и тут же поглупел. Он допускал, что им пытаются манипулировать. Более того, он к этому склонялся. Лизе Весенней он не доверял. Впрочем, он на сто процентов не доверял никому. Даже Марте на восемьдесят. А своей сегодняшней гостье... На тридцать? Да, пожалуй. И это было доверие авансом. Но он оставил ее у себя... из любопытства. Илье было интересно, чем закончится история Лизы. Кто она? Почему оказалась у его двери? Как повредила

свою голову? Сколько в ее словах вранья? В настоящее время модны квесты. Игры, в которых участвуют люди, чтобы пощекотать себе нервы. Они платят деньги и проходят стандартные задания, как правило, для того, чтобы выбраться из здания. Скука! А тут такой квест намечается, что куда ему до запланированных пьянок и гулянок.

«И все же ценные вещи стоит убрать в сейф, – сказал себе Бердников. – И не пить ничего из рук Лизы. Карманы она вывернула, но ампулу с клофелином можно и в лифчик сунуть».

Все это пронеслось в голове Ильи за считанные секунды. Он больше не стал отвлекаться на эти мысли. Показав Лизе комнату и выдав ей футболку и полотенце, он вернулся на кухню. Заварил еще чаю, себе и гостю. Есть хотелось, но уже не так сильно, и Илья решил обойтись без ужина. Когда он вернулся в спальню с чашкой, Лиза уже спала. Не переодевшись, а только разувшись. И даже не почистив зубы.

Илья поставил чай на тумбочку, накрыл девушку одеялом и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Глава 2

Мария плакала весь вечер и половину ночи. Плакала до тех пор, пока не высохли слезные каналы. Она ждала, когда наступит облегчение. Но этого не случилось. Маша уснула с тяжелым сердцем лишь оттого, что устала реветь.

Утром она едва разлепила веки. Глаза опухли, и Мария перед тем, как глянуть на себя в зеркало, приложила к ним лед. Однако лед если и помог, то не сильно. Увидев свое отражение, Маша ужаснулась. Не человек – свинья. Именно свинья, а не милый поросенок. Толстые красные щеки, раздувшийся нос-пяточок, маленькие заплывшие глаза. Мария схватила с полочки крем от отеков и начала яростно втирать его в кожу. Но тут же отшвырнула тюбик. Ей ничего не поможет! Ни лед, ни крем. Даже когда с лица спадет краснота и одутловатость, Маша останется дурнушкой. Свинкой с лоснящимися щеками и маленькими глазками.

Нестерпимо захотелось заплакать. И так как слезные каналы успели наполниться, Мария приготовилась к реву, но тут в дверь позвонили...

Коля? Коля вернулся?

Уходя от Маши вчера, он бросил на тумбочку в прихожей ключи от квартиры, и ему нечем открыть замок.

Мария не знала, что делать. Открывать сейчас и показываться перед любимым в таком виде она не могла. Но и мед-

лить боялась. Что, если за то время, пока она пытается хоть как-то прихорошиться, Коля подумает, что ее нет дома, и уйдет? Маша быстро сменила гигантскую полосатую футболку, в которой спала, на шелковый халат в лилиях, цапнула косметичку и выбежала в коридор.

– Иду! – крикнула она. Если за дверью Коля, она скажет, чтоб обождал минутку и за это время запудрит щеки и нарисует стрелки. Если же не он... (Пусть это будет он, Господи!), то просто не откроет. – Обождите секунду.

Маша подлетела к двери и с надеждой припала к глазку.

Не Коля!

Какой-то незнакомый мужик с всклокоченными рыжими волосами. Похож на солиста «Иванушек», но помладше и пониже.

Мария открыла дверь и неприветливо спросила:

– Вы кто?

Рыжий достал из кармана джинсовой куртки удостоверение и продемонстрировал его.

– Полиция? – поразилась Маша. – А вы уверены, что по адресу?

– Тут проживает Мария Анатольевна Эскина?

– Да, это я.

– Значит, по адресу. Могу войти?

Маша посторонилась. Она мельком глянула на удостоверение, поэтому не запомнила имени и фамилии полицейского. Решила поинтересоваться, как его величать.

– Игорь Павлович Замятин, – представился тот. – Где нам будет удобнее поговорить?

– Пойдемте на кухню. Я сварю нам кофе.

– О, это будет кстати, – оживился Замятин. Судя по помятой физиономии, он мало спал этой ночью. И выглядел так же паршиво, как и Маша. Пожалуй, они были похожи, только она блондинка, а он рыжий. – Вы с кем живете, могу я узнать? – спросил он, наклонившись для того, чтобы расшнуровать кроссовки.

– Одна... С некоторых пор.

– С каких, если не секрет?

– Да какое это имеет значение? – вспыхнула Маша. На свежую рану соль сыпет!

– И все же ответьте, – он попросил, не потребовал, и все же напомнил о том, с кем Маша разговаривает: – Я представитель органов и если задаю вопрос, то не из праздного любопытства.

– Мой гражданский муж ушел от меня вчера. – И дернула подбородком в сторону связки ключей, оставленных Колей.

– Вы, наверное, когда звонок прозвенел, подумали, что он вернулся, – проницательно заметил опер.

Маша оставила этот комментарий без внимания и повела Замятина в кухню.

– Присаживайтесь, – сказала она. – А я займусь кофе.

Опер тут же плюхнулся на стул. Стул был крутящимся, и Замятин начал играть, поворачиваясь то в одну сторону,

то в другую. Машу это раздражало, но больше раздражало то, что ей не говорят, что нужно полиции от ее скромной и далеко не криминальной персоны. И она решила это выяснить:

– Не пора ли сказать, зачем вы явились ко мне?

– Вы правы – пора. Меня интересует ваш гражданский муж. Гладков Николай.

– Он что-то натворил?

– А что, был способен на это?

Мария резко повернулась, едва не снеся локтем поставленную на плиту турку.

– Перестаньте меня прощупывать! – воскликнула она. – Иначе я попрошу вас уйти. А если вы этого не сделаете, позвоню куда следует.

– Тете-прокурору? Я в курсе, что у вас железобетонные родственные связи. Впрочем, как и все в моем отделе. Никто не хотел с вами связываться, я оказался самым смелым. Кстати, тетка ваша в отпуске. Загорает на Мальдивах вторую неделю. Не знали?

– Знала, я отвозила ее в аэропорт, – Маша начала терять терпение. – Итак? Что случилось?

– Убит ваш гражданский муж, и вы первая подозреваемая.

Мария услышала шипение за своей спиной. Это кофе, вскипев, выплеснулось из турки. Но она этого не понимала. Как и значения фразы, произнесенной полицейским.

– Повторите, пожалуйста, что вы сейчас сказали? – попро-

сила она.

Замятин встал, сделал несколько шагов по направлению к Маше и протянул руку. Она отпрянула. Но полицейский не хотел ее касаться, только лишь выключить газ.

– Николай Гладков скончался вчера вечером между девятью и десятью часами от черепно-мозговых травм. Ему было нанесено три удара по голове тупым предметом, предположительно металлической трубкой, являющейся частью детской спортивной стенки.

Маша выслушала эту тираду. Потом хохотнула:

– Да это не Коля!

– Нет, это совершенно определенно он. При нем были документы. Но поскольку он прописан в другом городе, нам потребовалось время, чтобы узнать, где он проживал.

– Нет, вы ошибаетесь. Это не может быть он.

– Вам показать посмертное фото?

– Да, покажите, потому что я не верю...

Полицейский достал из кармана телефон и, сделав пальцем пару движений по экрану, продемонстрировал Маше картинку.

Едва взглянув на фото, она сразу поняла – это Коля. Коля лежит на асфальте в луже собственной крови. С широко открытым ртом и одним закрытым глазом. Не похожий на самого себя. Но Маша знала, что люди после смерти становятся совсем другими. Душа ли это выходит из них или просто организм, переставая работать, застывает и тело становится

не тем, чем было раньше. Но люди кардинально меняются. Хоть и остаются узнаваемыми.

– Так, только не падать, – услышала она голос, звучащий как будто сквозь вату, и поняла, что находится на грани обморока. – Спокойно, Мария. Дышите.

Она послушно набрала полные легкие воздуха, но исторгнуть его не смогла, закашлялась.

– А плакать – это нормально. Плачьте.

Маша даже не понимала, что она делает. Ей казалось, давится воздухом. А оказалось – плачет.

Замятин усадил ее. Дал воды. Маша не хотела пить, вертела головой, но пришлось подчиниться.

– Почему я первая подозреваемая? – выдохнула она, с трудом сделав глоток.

– Ну, вы же сами сказали, что он от вас вчера ушел. Вы могли догнать и отомстить за предательство.

– А вы сказали, что я, услышав звонок в дверь, подумала, будто это он вернулся. Вы непоследовательны.

– Молодец вы, – улыбнулся полицейский. – Трезво мыслите даже в такой ситуации... И держитесь хорошо. Да, я не думаю, что вы убили Николая. Но это только мое мнение. Я верю чутью. Но вам бы алиби обзавестись. Что вы делали вчера вечером? Между девятью и десятью часами?

– Плакала.

– Никуда из дома не выходили?

– Нет.

– Это хорошо. У вас камеры в подъездах, значит, будет алиби. – Он прошел к плите и посмотрел на обгоревшую турку. – Можно я остатки кофе себе налью? Всю ночь не спал, вырубаюсь. – Маша кивнула. – Почему от вас ушел муж?

– Другую полюбил.

– Кого?

– Не знаю. Так сказал и ушел.

– Во сколько это было?

– В двадцать часов. Плюс-минус...

– Что при нем было?

– Небольшой чемодан и сумка с ноутбуком. Еще, разумеется, телефон, кошелек, ключи от машины.

– Все это мы обнаружили. Телефон, кошелек и ключи при нем. Чемодан и сумка в машине. Машина нашлась на ближайшей к месту преступления стоянке.

– То есть он отнес вещи в автомобиль, но не уехал, а направился обратно к дому? – И с надеждой: – Значит, он передумал?

Опер тяжело вздохнул. Было видно, что он так не думает, но не хочет еще больше расстраивать травмированную женщину.

– Если вам хочется в это верить, то ради бога, – пробормотал он.

– Но как же еще это объяснить?

– По-разному. Например, что-то забыл. Или вообще не собирался возвращаться к «мавзолею», а направлялся в дру-

гое место. Дворы старые, проходные. Через них удобно срезать путь.

– Да, вы правы. Ведь если он передумал бы, то вернулся с чемоданом и сумкой. – Маша всхлипнула. Но плакать себе не позволила. Потом поревет, когда полицейский покинет ее квартиру. – У вас есть еще ко мне вопросы?

– Да, несколько. У Николая были враги?

– Нет. Он был хорошим человеком и отлично ладил со всеми.

– Партнеры по бизнесу имелись?

– Он вел дела один. Я помогала. И могу вам сказать точно: Коля никого не кидал. Его – да. Но не по-крупному и давно – до того, как мы познакомились.

– Николай был женат. Каковы были его отношения с супругой?

– Они практически не общались. Но не думаю, что бывшая жена имела что-то против Коли. Он все оставил ей и ребенку. Исправно платил алименты. А поскольку она была инициатором развода, ей не за что на него держать зуб.

– Вы можете назвать имена его ближайших друзей? Телефон Николая у нас, но в нем куча номеров, сами понимаете...

– У него только один друг, Барсков Саша. Но он живет далеко, в родном городе Коли. Тут у него только приятели. Их имен я не знаю. Коля не из тех, кто зависает с мужиками в кабаках, бильярдных, саунах. На рыбалку ездит, да. Но все-

гда за рулем, поэтому возвращается трезвым. — Маша говорила о нем как о живом. У нее язык не поворачивался употреблять прошедшее время и слово «был».

— Просто идеальный мужчина. И все же кто-то его убил.

— Случайная жертва, я уверена.

— Что ж, будем выяснять.

Замятин поднялся на ноги и тут же сморщился, схватившись за колено.

— Болит, зараза, — пожаловался он. — В молодости повредил, но не лечил, само вроде прошло, а под старость вылезли болячки, включая эту.

— А сколько вам лет?

— По паспорту тридцать шесть, но по износу организма под шестьдесят.

Опер распрощался с хозяйкой дома. Закрыв за ним дверь, Мария несколько секунд постояла в прихожей, тупо глядя на ключи, брошенные вчера Николаем на полку. Еще час назад она была почти уверена, что между ними все наладится и ключи снова окажутся в его кармане. Коля всегда таскал связку в кармане. И она позвякивала, потому что брелок был металлический. В форме пули. Коля купил его, когда они впервые отправились в совместное путешествие. Это был круиз по Волге, и когда теплоход остановился в Волгограде, они ездили на Мамаев курган, где, собственно, Коля брелок и купил. Продавец сказал ему, что это настоящая пуля времен Великой Отечественной. Скорее всего врал, но

все делали вид, что верили.

Маша не заметила, как погрузилась в воспоминания о том круизе. И все моменты казались ей прекрасными. Даже то, что теплоход едва не сел на мель и десять часов простоял в тумане, теперь казалось увлекательным приключением.

Взяв связку, Маша сжала ее в кулаках и побежала в комнату, чтобы упасть на кровать, свернуться в позу зародыша и прорыдаться.

* * *

Маша с юности готовила себя к одиночеству. Потому что дурнушки обречены на него. Исключением могут стать те, что готовы создать пару с любым желающим. Но у Маши любить козлов не получалось. Она всегда увлекалась самыми блестящими ребятами. Ей мало было внешности или ума. Подавай сочетание. Похожий на Ди Каприо отличник, великолепно играющий в волейбол и рисующий дивные пейзажи, стал ее первой серьезной любовью. Она обожала его два года, учась в старших классах, и еще восемь месяцев, пока в институте не втрескалась в «Бандераса». Этот еле успевал по экономике, которую избрал своей дисциплиной, но писал шутки для команды КВН и имел разряд по шахматам. Когда парень бросил институт, чтобы посвятить себя юмору, Маша нашла ему замену в лице ректора, как две капли воды похожего на Шона Коннери. К каждому из этих троих

она испытывала серьезные чувства и ни с одним не пыталась сблизиться, заранее зная, что ничего из этого не выйдет. Такие мужчины увлекаются подобными себе женщинами: красивыми, умными, талантливыми. Но готовы сделать исключение ради просто красивых. Но в этом случае дама должна быть неотразимой, как супермодель. Частенько, укладываясь спать, Маша фантазировала о том, как поутру встанет с кровати, подойдет к зеркалу и увидит в нем, к примеру, Жизель Бундхен. А лучше молодую Синди Кроуфорд, именно она в понимании Марии являлась олицетворением идеала женской красоты.

Своими мечтами девушка делилась с дневником, который вела с четырнадцати лет. Пыталась с теткой, которая была ее самой близкой подругой, но та категорически не желала понимать племянницу. Она была такой же пухленькой и белобрысой, как Маша. С носом-пяточком и маленькими глазками. Но не считала себя дурнушкой и несла себя как королеву. От поклонников у нее отбоя не было, что в молодости, что в зрелости. Поэтому, овдовев, тетка уже спустя год второй раз вышла замуж, причем весьма удачно.

Пожалуй, она была кумиром Маши. И ей хотелось бы походить на тетю, но не получалось. Кишка тонка была у Марии, в отличие от задницы. Этим богатством Бог не обделил. Пятьдесят шестого размера юбки себе покупала, будучи студенткой. Правда, все убирала в талии. Родись Маша в Африке, считалась бы секс-символом.

И все же, объективности ради, Маша признавала, что и в ее внешности есть достоинства. Например, грудь: аккуратная, высокая, она прекрасно смотрится в неглубоком декольте. Губы – полные, красиво очерченные. Тонкие щиколотки и запястья. И кожа. Да, она склонна к покраснению, но чистая, гладкая, на ней не вскакивали прыщики даже в пубертатный период. Но Маша считала, что никто всего этого не видит. В глаза бросаются жирные бока и покатые плечи, лоснящиеся щеки, нос картошкой, глубоко посаженные глаза и жидкие волосы, через которые просвечивает розовая кожа головы.

Но Маша старалась выглядеть достойно. Она не нуждалась в деньгах, поэтому отлично одевалась, дополняя образы уместными украшениями, делала стрижки в хороших салонах, держала в порядке ногти, наносила ежедневный макияж. Небрежный вид могут себе позволить красавицы, дурнушки же, по ее мнению, обязаны за собой следить. Маша нравилась людям. Мужчинам в том числе. Но не так, как ей хотелось бы. И не тем...

Ее не замечали.

После института Машу любимая тетя, имеющая широкие связи, пристроила на отличное место. Престиж, перспективы, зарплата. Мужской коллектив. Мария, естественно, из дюжины коллег выбрала в предметы обожания директора, оказавшегося самым умным и красивым. Тогда она еще не знала о его главном недостатке, а именно, алкогольной за-

висимости. Пил босс часто, почти ежедневно, но в умеренных дозах. Подчиненные об этом знали, но не осуждали. Под хмельком директор соображал так же хорошо, как и трезвый, зато был добрее и лояльнее. Но на корпоративах он от души отрывался. А утром не помнил ничего из произошедшего вечером. Маша об этом не догадывалась. Коллеги-мужчины между собой сплетничали, как старушки у подъезда, но с ней говорили исключительно о работе. Ладно, баба, но новенькая, да еще и блатная, мало ли что у нее на уме. Поэтому, когда на новогоднем корпоративе начальник после нескольких медленных танцев увел Марию в кабинет и на жестком офисном диване лишил девственности, она решила, что дождалась своего счастья. И на следующий день не шла на работу – летела на крыльях любви. Начальник явился только к обеду. Хмурый и помятый. Через час немного взбодрился, а к вечеру стал привычно веселым и милым. Маша ждала от него предложения. Нет, не выйти замуж. С этим торопиться не стоит. Но на свидание он должен был ее пригласить. Однако начальник вел себя с ней так, будто между ними вчера ничего не произошло, а когда уходил из офиса, щебетал по телефону с какой-то барышней.

Он так и не вспомнил, что спал с Марией в канун Нового года. Потому что на Восьмое марта пристал к ней, как в первый раз. Но она отвергла. Хотя до конца не разлюбила.

Вскоре Машу перевели с повышением. Она стала начальником, пусть и небольшим, и в ее подчинении оказалось се-

меро мужчин. Ее глаз зацепился за самого молодого и недисциплинированного. Стажера. Студент-заочник неформального вида, он постоянно опаздывал, а в рабочее время слушал музыку или качал фильмы. Но какие у него были глаза! А голос! Он постоянно что-то напевал, и Маша недоумевала, почему парень с таким талантом торчит в офисе, а не идет покорять сцену.

С этим парнем у нее все получилось. Полноценные отношения со свиданиями и приносящим взаимное удовольствие сексом. Жаль, все быстро кончилось. Через два месяца Маша узнала о том, что практикант приударил за ней, чтобы не вылететь с работы. До этого он не удерживался на одном месте дольше нескольких недель.

Маша долго отходила от разочарования. Не вступала в связи и, что самое удивительное, никем не увлекалась платонически. Она посвятила себя карьере и сделала ее.

Свое тридцатилетие Мария отпраздновала в шикарном ресторане. Было много гостей, друзей, родственников, нужных людей. Но среди веселой, шумной и расположенной к ней толпы именинница, как никогда, ощутила свое одиночество. Маша еле дождалась конца вечера и специально притворилась пьяной, чтобы свернуть его. Ей так хотелось скрыться ото всех, чтобы поплакать. Любимая тетя всегда говорила, что слезы приносят облегчение. Но Маша не дотерпела до дома. Разрыдалась в такси.

Водитель повернулся к ней и участливо спросил:

– Что-то случилось?

Маша замотала головой. Но за охапкой цветов таксист этого не увидел. Он только слышал плач. Поэтому остановил машину, вышел, затем открыл заднюю дверь, плюхнулся на сиденье рядом с пассажиркой и стал ее успокаивать.

– Все будет хорошо, не плачь, – тихо говорил он, поглаживая Марию по голове. – Такая молодая, красивая. Праздничная. Ты смехом заливаться должна, а не слезами.

Мария тут же уткнулась ему в грудь и зарыдала еще горше.

«Я старая и страшная. Я умру в одиночестве!» – мысленно кричала она.

– А ну, мордаху свою подними, – скомандовал таксист.

Маша не стеснялась его, поэтому сделала, как велели. Мужчина вытер ее распухшее от слез лицо платком, да еще, как ребенку, нос прочистил, заставив высморкаться. Садясь в такси, Маша не обратила внимания на водителя, вся была в своих переживаниях. Когда он вытирал ей сопли, думала, что пожилой. Но, подняв на него глаза, обомлела. Не больше сорока, лет тридцать семь. И красив, как римский патриций: огромные карие глаза с пушистыми ресницами, прямой нос, волевой подбородок, покрытый темной щетиной. Маша могла бы смотреть на это лицо бесконечно, но таксист, успокоив ее, тут же вернулся к своим обязанностям. Пересев на водительское место, завел мотор.

– Вы извините меня за истерику, – проговорила Мария,

украдкой достав из сумочки зеркало и глянув в него. Тушь не размазалась – водостойкая – уже хорошо. – Перенервничала при подготовке к празднованию.

– Понимаю.

Он кивнул, на голове у него была натянута вязаная шапочка. Она так не вязалась с образом патриция, что Маша попросила:

– Не могли бы вы снять шапку?

– Зачем? – удивился таксист.

– Вы очень похожи на одного моего друга детства, думаю, может, это вы... Я с ним не виделась двадцать лет.

– Это не я, – засмеялся мужчина. – В этом городе я всего два с половиной года, а родился и вырос в другом... – Но шапку все же снял.

Маша не разочаровалась бы, увидь лысину. И все же она надеялась, что голову таксиста покрывают густые темные кудри. Но мужчина оказался короткостриженным и с проседью. Без плечи, но с высоким лбом. Маша тут же решила, что кудри ему пошли бы меньше и эта лаконичная прическа идет как нельзя лучше.

– Что, все еще похож? – спросил таксист, поймав ее взгляд в зеркале.

– Нет. У Пашки были кудри.

– И у меня были. Но как в военное училище поступил, сбрил и с тех пор ношу короткую стрижку. Кстати, меня Николаем зовут, не Пашей.

– А я Мария. Маша.

– Красивое имя. И оно вам очень идет.

– Спасибо, – засмущалась именинница. – А вы, значит, военный? – Маша с детства обожала мужчин в форме и не пропускала ни одного парада.

– Летчиком был. Но в армии не задержался. Давно уже гражданский.

– Сменили штурвал самолета на баранку такси?

– Нет, в такси я подрабатываю. Не столько из-за денег, сколько от нечего делать, я одинокий, приезжий, и не с кем проводить вечера. А вообще у меня небольшой бизнес.

Свободный, красивый, добрый. Летчик и бизнесмен.

Просто подарок небес.

И Маша решилась на то, чего никогда ранее не делала, она проявила инициативу.

– Николай, я могу вас попросить помочь мне донести до квартиры цветы и подарки? Боюсь, я одна не справлюсь.

– Без проблем, – пожал плечами Коля.

Первый шаг сделан, выдохнула мысленно Мария. Осталось пригласить на чай. Если не согласится, попросить визитку, чтобы вызывать именно Николая, когда потребуются услуги такси. Так у Маши появится его телефон. Уже немало. Хотя если бы Николай согласился на чай, это было бы просто здорово...

– Вы в «мавзолее» живете?

– Где? – не поняла Маша.

– В высотке со шпилем.

– А, да... – Они уже подъезжали, и красиво подсвеченный дом выплывал из-за соседних строений, всем своим видом давая понять, кто тут самый крутой. – Почему «мавзолей»?

– В городе так называют ваш дом. Не знаю почему. Думал, вы в курсе.

– Раньше его «шпилькой» называли. Во времена моего детства.

– То есть вы выросли в этом доме?

– Да. И не жила больше нигде.

– Ваш дом, ваша крепость?

– Можно сказать и так. Только там я чувствую себя защищенной.

– Ни разу не был в «мавзолее». – И коротко рассмеялся. – Не в том, что на Красной площади, туда я попал раз, когда с классом в Москву приехал на экскурсию. Я про ваш дом. Говорят, в нем какие-то невероятные квартиры.

– Нет, обычные. Большие, конечно, с высокими потолками, но кого сейчас этим удивишь? Хотя есть одна по-настоящему шикарная квартира. На самом последнем этаже. Но и она не лучше, чем пентхаусы в современных элитных домах. Зато в элитках есть подземные парковки, а у нас приткнуться негде. Поэтому вам, Николай, придется, постараться, чтобы найти место для стоянки.

– Ничего, я привычный, – улыбнулся он.

Через десять минут они поднимались на лифте на двена-

дцатый этаж. Маша держала самый большой букет, Коля все остальное. Они стояли друг напротив друга и молчали. Но не неловко. Если бы тишина давила, Мария что-нибудь щелкала бы. Она умела заполнять паузы.

– Николай, а вы очень торопитесь? – спросила Маша, когда они подошли к двери. – У меня умопомрачительный торт в холодильнике, и мне хочется вас угостить. – Она уже достала ключи и прицеливалась к замочной скважине, поэтому на собеседника не смотрела. Так ей было легче, потому что в случае отказа она смогла бы сохранить лицо.

– Я не люблю сладкое, – услышала Маша и приготовилась к худшему. – Но если вы мне предложите чай, я с удовольствием его выпью.

– Прекрасно, – просияла именинница. – Заодно посмотрите, что у нас в «мавзолее» за квартиры.

Она пригласила его в свой дом. Показала, где раздеться, дала гостевые тапочки. Без пуховика Коля оказался худощавым и чуть сутулым. К тому же он немного пошаркивал. Никакой военной выправки и четкого строевого шага. Но Колю уже мало что могло уронить в глазах Маши. А уж на такую ерунду, как плохо сидящая кофта в катышках и до сеточки протершиеся на больших пальцах носки, она просто наплевала. Хотя в мужчинах, которые не особо нравились, она замечала эти «недостатки» и не могла с ними мириться.

Пока хозяйка расставляла цветы по вазам, Николай осматривал квартиру.

– Нет, вы не правы, – сказал он, пройдясь по комнатам и заглянув в ванную, чтобы вымыть руки. – Этот дом не сравнить с новостройками, даже элитными. Здесь подлинное величие. Во всей архитектуре тех времен оно есть. Но вот такие здания, как это, эксклюзивные, они как дворцы.

– В чем-то вы правы. Квартиры здесь давали только элите. А сейчас они продаются. И въехать может наркоторговец или проститутка экстра-класса, были бы деньги. – Маша взялась за приготовление чая. – Вам черный, зеленый, красный?

– О, у вас есть каркаде? Тогда его.

– Тоже люблю. А от торта точно откажетесь?

– Точно. Вот бутерброд бы...

– С сыром, колбасой, рыбой, икрой?

– Неужто все есть?

– У меня же день рождения.

– Но вы его в ресторане отмечали.

– Да, но туда я пригласила ближний круг, а есть еще приятели, бывшие коллеги, соседи...

Маша на самом деле накупила продуктов, чтобы угощать тех, кто неожиданно заявится к ней с поздравлениями. Но таких было лишь двое. И теперь холодильник ломился от деликатесов. И она решила накормить Колю. Зачем спрашивать, с чем он любит бутерброды, пусть кушает все, что душа пожелает.

– У вас такая большая квартира, а живете вы в ней одна? – спросил Коля, с удивлением наблюдая за действиями Маши,

она метала на стол тарелку за тарелкой.

– Увы. Я не замужем. Детей нет.

– А родители? Квартиру же дали кому-то из них?

– Деду. Он был первым председателем горисполкома. У него родились дети: дочка и сын. Сын – мой папа. Дочка – моя любимая тетя. Папа умер. А тетя жива, здорова и живет в загородном коттедже.

– А где ваша мама?

– Ее тоже нет в живых. Они с папой погибли в автокатастрофе. – И отвернулась к чайнику. Это была болезненная тема для Марии. – Итак, с чем вам сделать первый бутерброд? – бодро спросила Маша. – Давайте с икрой?

– Я родился на берегу Каспийского моря. Меня икрой не удивишь. Как и рыбой. А вот сыр я люблю. Тем более у вас он такой необычный, пестрый.

– С плесенью.

– Я так и подумал. Верите или нет, ни разу не пробовал.

– Тогда милости прошу. – Она подала Коле кусок рокфора. – Но без хлеба ешьте.

– Слышал, такие сыры хорошо сочетаются с красным вином.

– С розовым тоже неплохо. Главное, чтоб оно было послаще. Я так вообще люблю с портвейном.

– Я пил только «Агдам» в юности. И по мне с этим напитком сочетать что-то практически невозможно.

– У меня отличный портвейн с Мадейры. Я бы предложи-

ла, но... Вы же за рулем? – Нет, Маша не готовила пути к отступлению. Она расслабилась и вела себя естественно.

– Я только пригублю. Но если войду во вкус, вызову одного из своих коллег, – лучезарно улыбнулся Николай.

И радостная Маша побежала в комнату, где в одном из отделений стенки у нее имелся бар.

В ту ночь Коля остался у нее. А уже через неделю перевез свои вещи. Он снимал квартиру, неплохую, но неуютную, темную, безликую, пропахшую табаком предыдущего хозяина. Бизнес Николай тоже вел неправильно. По-дилетантски. Маша, когда изучила документы, поразились, что дело приносит прибыль. И взялась Николаю помогать. Спустя год фирма крепко встала на ноги, а через два расширилась.

Мария не считала, что гражданский муж ей за что-то должен. Да, он жил в ее хоромах, пользовался ее бизнес-советами и навыками экономиста, а также нужными знакомствами, но давал он гораздо больше, чем брал. Только с Николаем Маша почувствовала себя любимой и желанной. Единственное, что омрачало ее счастье, так это недовольство тетки. Ей Коля категорически не нравился. Она воспринимала его как какого-то прилипалу. Как будто Маша его на помойке нашла, отмыла и отчистила. Красивый, здоровый, образованный, вполне неплохо себя обеспечивающий мужчина, вот каким Коля был, когда они познакомились. А что еще поднялся, став жить с Машей, так это же хорошо.

– Посмотрим, как заговоришь, когда он тебя бросит, –

бурчала тетка. – Редкий мужик ценит помощь своей половинки. А еще у них короткая память. Так что вскоре твой Коленька решит, что он всего достиг сам, распушит перья и отправится на поиски новой самки. И не обязательно более молодой и яркой. Просто другой. Которая не видела его без хвоста.

– Но не все же такие!

– Нет. Поэтому я и употребила словосочетание «редкий мужик». Твой к этой категории не относится.

– Ты его не знаешь!

– Я его вижу. – И это было веским аргументом, потому что тетя разбиралась в людях не просто хорошо – великолепно. А замуж оба раза выходила за тех, кто был успешнее ее, поэтому если от своих супругов и ждала подвоха, то другого. – Я говорю тебе все это не для того, чтобы укорить или расстроить, просто готовлю тебя к неизбежному. И советую заключить брачный контракт, если он позовет тебя замуж и ты согласишься. А лучше перевести его фирму на себя. И ни в коем случае в квартире не прописывать.

Маше было обидно это слушать. Поэтому она стала реже видеться с теткой.

Беда была еще в том, что Коля не звал Марию замуж. Он просто жил с ней. И ни разу не озвучил планов на совместное будущее. А когда она заводила разговор об этом самом будущем, Коля мрачнел и начинал разглагольствовать о том, что жить нужно настоящим, потому что завтра на голову каждо-

го может свалиться кирпич. Если бы Мария мечтала о детях, то забеременела бы и женила на себе Колю как миленького. Вот только она хотела родить наследника любимому мужчине. Подарить ребенка ему. А что это за подарок, которому не рады?

В остальном все было хорошо. Маша была счастлива с Николаем. Они оба много работали, приходили домой поздно и не успевали надоесть друг другу. Отдыхали всегда вместе. Не так часто, как хотелось бы Маше, она много путешествовала раньше, могла сорваться на пару-тройку дней куда-нибудь за границу, чтобы побродить по улочкам Праги или окунуться в Средиземное море, омывающее берега острова Крит. И все же два раза в год они выбирались куда-нибудь. Коле нравились Мальдивы. Он обожал нежиться на белом песочке, пить коктейли и ничего не делать. Мария предпочитала более активный отдых, но рядом с любимым готова была тюленем валяться в волнах.

С последней поездки прошло около месяца, как в Коле что-то изменилось. Он стал отстраненным. Маша спрашивала, что с ним, но получала невразумительные ответы. Как правило, Коля говорил, что у него начался кризис среднего возраста и это надо пережить. Маша спросила мнения тетки на этот счет. Тетка безапелляционно заявила: «Бабу завел!» И посоветовала посильнее сжать его яйца. Мария сделала с точностью до наоборот: стала ласковее и внимательнее. Баловала вкусностями, устраивала сюрпризы и в постели тво-

рила то, что раньше делать стеснялась.

А Коля все равно ушел!

Маша не ожидала этого. Потому что у них все было хорошо, пусть и не прекрасно. От него не пахло чужими духами, на теле не появлялись подозрительные царапины и что там еще доказывает мужскую измену? Коля даже на работе не задерживался. То есть ничего не предвещало беды...

Поэтому, когда Маша услышала: «Я полюбил другую женщину и ухожу от тебя, прости!» – она ушам своим не поверила.

От тетки Мария слышала, что мужики всегда оставляют пути к отступлению. И уходят не насовсем. Говорят, давай поживем раздельно, разберемся в себе... Но Коля сказал, как отрезал. И ушел, не взяв с собой ничего, кроме небольшого чемодана.

Маша, которой ничего толком не объяснили, некоторое время стояла столбом. Потом легла. Она слышала, что сразу после еды не нужно принимать горизонтальное положение. Но ее всегда тянуло прилечь. Так в ее желудке пища лучше переваривалась (в других, может быть, и нет), а в ту минуту ей хотелось, чтобы лучше переварилась информация.

Коля полюбил другую.

И ушел к ней от Маши.

Нет, не к ней. Просто ушел. За что попросил прощения.

Не так много информации, чтобы долго ее переваривать. И все же она никак не укладывалась, а бурлила в голове, как

какой-нибудь гороховый суп в желудке. Маша потянулась к телефону, желая позвонить Коле. Нельзя же вот так уходить, бросив на прощание всего одну фразу! Смыться, ничего не объяснив. Это почти как уйти по-английски. А возможно, Коля так и хотел сделать? Но она пришла пораньше и застала его. Одетого, с чемоданом. Пришлось что-то объяснять. Но кратко, чтобы поскорее убраться с Машиных глаз.

Трус!

Но и она хороша. Могла бы остановить, попросить (нет, потребовать!) более пространныго объяснения. Но Мария то ли растерялась, то ли тоже струсилa. Побоялась услышать что-то нелюбопытное в свой адрес? Она не могла в себе разобраться. В тот момент – нет. Поэтому отбросила телефон, вскочила с дивана и побежала в прихожую обуваться. Телефонный разговор ничего не решит. Она должна видеть глаза Коли!

Натянув на ноги первые попавшиеся башмаки, Мария выскочила за дверь...

Так что рыжему полицейскому она соврала. И только когда он покинул ее квартиру, поняла, как сглупила. Когда он просмотрит записи с камер, то узнает, что его обманули, и примкнет к рядам своих коллег, видевших Марию первой подозреваемой.

Глава 3

Рита Пахомова не любила сказки. Но так было не всегда. В детстве она сказки обожала. Запоем читала и сочиняла сама. Во всех, прочитанных и написанных, побеждало добро, и Рита верила, что в жизни так и бывает. А оказалось...

– Марго, ты где там? – услышала она властный женский голос из глубины квартиры и вздрогнула.

– Завариваю вам чай, – выпалила Рита и заметалась по кухне. Задумавшись, она совсем забыла о просьбе мачехи Татьяны Олеговны.

– Тебя только за смертью посылать, – проворчала та. – Неси скорее, я озябла и хочу согреться.

Рита покосилась на термометр, висящий на холодильнике в виде магнита. Он показывал двадцать три градуса. Как можно замерзнуть при такой температуре?

– И не забудь подать к чаю песочное пирожное.

– Да, хорошо, – откликнулась Рита. – А бутерброд не желаете? Вы плохо позавтракали сегодня...

– Марго, если я захочу бутерброд, я тебе об этом сообщу, – отчеканила мачеха.

Рита тяжело вздохнула и принялась за чай. Татьяна Олеговна была невыносимой женщиной. Поэтому, наверное, похоронила трех мужей, включая отца Риты, которого свела в могилу за четыре с половиной года, и рассорилась с дочками.

Терпеть ее могла только падчерица. Но лишь потому, что у нее не было выбора.

Заварив чай и выложив на тарелку пирожное, Рита принесла поднос в зал. Мачеха восседала на диване, по центру. Слева от нее – корзинка с вязаньем. Справа – костыли. Татьяна Олеговна сломала таз в прошлом году, но вопреки прогнозам врачей встала на ноги.

Рита поставила поднос на журнальный столик. Хотела было удалиться, как услышала вопль:

– Что это такое?

– Песочное пирожное, – растерянно ответила Рита, проследив за жестом мачехи – она тыкала в пирожное.

– Нет, это сухарь, который когда-то был пирожным. – Татьяна Олеговна отодвинула от себя блюдо. – Ты опять не накрыла сдобу пакетом, оставила заветриваться, так?

– Нет, я накрывала, но Маркиз мог забраться на стол и порвать пакет. – Маркизом звали кота мачехи. Он был таким же невыносимым, как и его хозяйка.

– Марго, перестань изворачиваться. Почему ты постоянно это делаешь?

– А почему вы постоянно называете меня Марго, хотя я много лет прошу обращаться ко мне – Рита?

– Плебейское сокращение прекрасного имени Маргарита.

– Но меня так папа называл...

– Твой папа мертв, – проговорила мачеха стальным голосом. – А я буду обращаться к тебе так, как считаю нужным. –

И чуть мягче добавила: – Теперь, Марго, будь добра, сходи за свежими пирожными. И купи Маркизу баночку печени трески. Давно мы его не баловали.

Возражать было бесполезно. И Рита послушно потопала в прихожую, чтобы обуться, накинуть ветровку и отправиться в магазин за лакомствами для тех, кто отравлял ей жизнь.

Рита потеряла маму в девять лет. Та трагически погибла. Играя с детворой на речке, нырнула с небольшого обрыва и напоролась на торчащую со дна арматуру. Все лето Рита и ее друзья на этом месте в воду прыгивали, и никто даже не поранился. Считалось, что там воронка и глубина метров пять, не меньше. А мама один раз нырнула и умерла.

Остались Рита с папой одни, но не надолго.

Через полтора года отец привел в дом невесту. Татьяну Олеговну. Она тоже была вдовой и имела двух дочерей. Работала там же, где и Ритин папа, и была с ним с одного года – то есть не девочкой, а зрелой дамой пятидесяти лет.

Маргарите она сначала понравилась. Красивая, глаз не оторвать. Яркая, моложавая, статная, модная. Улыбчивая. Как губы растянет, зубы сверкают. Все как на подбор, ровные, белые. Можно подумать, вставные, дорогие, фарфоровые, но нет – свои. Волосы темные, с краснотой. Глаза как вишни. Грудь высокая, хоть стакан на нее ставь. Не Софи Лорен – лучше. На ее фоне папа просто заморыш. Белобрысенький, тощий, с длинным носом и тонкими губами. Мама была привлекательнее его, но тоже не блистала особой кра-

сотой. В отличие от Татьяны Олеговны. Перед этой женщиной просто свет мерк. Поэтому отец и позволил ей себя захомутать. Потерял волю, оказавшись в ее жарких объятиях.

Папа был большим начальником на масштабном заводе всероссийского значения. А прадед был первым директором этого завода. Но его репрессировали, и дед Риты жил с клеймом «сын врага народа». Возможно, поэтому всю жизнь разгружал ящики с рыбой в магазине «Океан», стараясь не высовываться. Но его сын вознамерился отстоять честь семьи и триумфально вернуться на завод, у руля которого стоял его предок.

У папы получилось. Правда, на это ушли лучшие годы, и женился он только в сорок лет. Зато удачно. Долго не выбирая, взял в жены свою секретаршу, а она оказалась порядочной женщиной, очень хорошей хозяйкой и отличной матерью. Страстью он к супруге не пылал, но тепло к ней относился и намеревался прожить в браке всю жизнь. Но она погибла, и отец стал присматриваться к окружающим его женщинам. Среди которых было много милых, покладистых, скромных, таких как покойная жена, но вдовцу хотелось страстей, и он остановил свой выбор на Татьяне Олеговне.

Именно так будущая мачеха представилась Рите. И, даже став женой отца, настаивала на том, чтоб падчерица называла ее по имени-отчеству и обращалась на «вы». Заехала она в квартиру супруга с младшей дочерью, пятнадцатилетней Ди-

аной (старшая была уже взрослой и собиралась замуж). Рите пришлось потесниться, ее комната стала «детской». «Молодожены» обитали в спальне. Еще имелся зал, где собиралась вся семья для просмотра познавательных телевизионных программ и праздничных обедов, и кабинет. Когда-то кабинет был папиным, но Татьяна Олеговна быстро выжила супруга из него, заполнив пространство своими альбомами, красками и кистями (она мнила себя художником) и переименовала кабинет в мастерскую. А квартира Пахомовых была не просто большой – огромной. И находилась она на последнем этаже первой городской высотки. Под ней шестнадцать этажей, над ней – золоченый шпиль. Из трех комнат и кухни вид на город. Каждое окно выходит на одну из стран света. В кабинете-мастерской окна нет, это кладовка, но размером девятнадцать квадратных метров. Прихожая – двадцать пять. Квартира Пахомовых занимала весь этаж. Ее дали прадеду Риты, первому директору завода-гиганта. Когда прадеда посадили, других жильцов: жену врага народа, его мать и сына не выселили, но «уплотнили». Оставили Пахомовым две комнаты. В зал же заехала семья из трех человек, а в кладовку одинокий милиционер. Прекрасную квартиру, образец сталинского шика в стиле «ампир» превратили в коммуналку. В ней и родился Ритин отец. И с шести лет ютился вместе с мамой и бабкой в одной комнате. Вторую оккупировал отец, когда развелся с благоверной и нашел себе новую женщину. Так в квартире, которая была в полном

распоряжении одной семьи, стало со временем обитать четыре. Даже одинокий милиционер женился и привел в свою кладовку женщину с ребенком.

Всего этого Рита не застала. Когда она появилась на свет, квартира вновь была в полном распоряжении их семьи, отец добился и этого. Тогда еще была жива бабушка, и они обитали вчетвером. Маленькая Рита носилась по огромной квартире и даже гоняла по комнатам на велосипеде. Это было еще при Советском Союзе, пусть и начинающем разваливаться. Еще не было новых русских, их трехэтажных вилл и двухуровневых хат, и так, как Пахомовы, жили очень немногие. Наверное, поэтому Татьяна Олеговна и позарилась на отца. Из-за квартиры. Сама-то она до третьего замужества жила в «гостинке» общей площадью двадцать два квадратных метра, то есть меньшей, чем их прихожая. В ее старой квартире осталась старшая дочь со своим женихом. А Татьяна Олеговна с младшей переехали к Пахомовым и тут же прописались.

Когда Татьяна Олеговна стала хозяйкой в доме, Рита ощутила себя главной героиней сказки «Золушка». Ее так же третировала злая мачеха, а сводные сестры над ней насмехались. Старшая реже, поскольку жила отдельно, но жестче. Золушка-Рита убирала, стирала, гладила. Но Татьяна Олеговна считала, что дом держится на ней. Муж отдавал ей всю зарплату, которой она распоряжалась по своему усмотрению. А поскольку мачеха была женщиной прижимистой, то за покупками ходила сама, не доверяя даже собственной

дочери. Если соль купить или туалетную бумагу, то да, за этим посылались девочки. Но продукты на пару дней, порошки, шампуни, не говоря уже о полотенцах и занавесках, все это приобретала Татьяна Олеговна. Еще она готовила ужины. Днем каждый питался как мог, но в конце дня вся семья собиралась за столом и вкушала яства, поданные к столу мачехой. Готовила она, надо сказать, отменно. И перед приемом пищи опрокидывала стопочку аперитива, как сама говорила, для умиротворения. Поэтому Рита радовалась ужинам, несмотря на то что после них она все отмывала.

Отец мало вникал в жизнь дочери. Он работал с утра до вечера, являлся домой уставшим и после сытного ужина и просмотра познавательной, по мнению Татьяны Олеговны, передачи сил у него хватало только на жену. Рита первое время пыталась поднимать вопрос своего незавидного существования в присутствии всех членов семьи, но мачеха всякий раз находила аргументы в свою пользу. Я заставляю ее мыть полы во всей квартире? А кто будет это делать? Я? Ты? Мы работаем. А Диане скоро поступать, она занимается. К тому же твою дочь нужно приучать к порядку, она неряшлива, а это девушку не красит...

И так на каждую претензию. Новых вещей ей не покупают? Да потому что не бережет. Денег не дают карманных? Но она же спустит их на конфеты и покроется диатезной сыпью. Не отпускают одну из дома? А ты разве не слышал, что в округе маньяк-педофил орудует? Не разрешают занимать-

ся в секции самбо? Но у девочки и так фигура нескладная, хочешь, чтоб она стала еще хуже? И только не надо о том, что извожу Марго. Я не поднимаю на нее и руку и даже не повышаю голос. Временами я строга со своей приемной дочерью, это правда, но все это лишь для ее блага.

И отец соглашался с женой. Хотя просил быть с Ритой помягче. Он видел, что дочка несчастна, но говорил себе, все это из-за потери матери. И какой бы хорошей ни была мачеха, она не заменит родную мать. А Танечка замечательная женщина. Да, со сложным характером. Но зато с каким телом! Жарким, соблазнительным, не по годам гладким и гибким. Пахомов тонул в нем. И чувствовал себя счастливым-пресчастливым. Когда Танечка злилась на него или была сильно не в духе, то отлучала мужа от тела, но не переставала дразнить. Это была такая изощренная пытка, что Ритин отец на многое был готов, чтобы ее избежать. Он угождал супруге в ущерб себе и дочери, но Танечке все было мало. Ее недостаточно любили и ценили. Поэтому с каждым годом уживаться с ней становилось все сложнее.

Рита только после смерти отца поняла, что те времена неплохими были. А вот когда папа скончался, стало по-настоящему невыносимо. Татьяна Олеговна превратилась в фурию, от которой даже Диане доставалось. А все потому, что денег не стало. Тех, привычных, больших, которых хватало на хорошие продукты, велюровую мебель, красивую одежду себе, только себе, и более-менее приличную дочке,

на украшения, услуги косметологов, массажистов, поездки к морю. Машины служебной тоже не стало. И дачу приватизировать не успели.

А вот Риту выписать и зарегистрировать в «гостинке» — да. Когда она, уже двадцатилетняя, попыталась разъехаться с мачехой, оказалось, что право она имеет только на часть отцовской доли. Но даже ее Татьяна Олеговна добровольно отдавать не собиралась. Отправляла Маргариту в суд. А та не шла, потому что боялась, что обманут, а на хорошего адвоката денег нет. Вернее, нет даже на плохого. Рита тогда училась в педагогическом. Подрабатывала почтальоном. Грошовую зарплату отдавала Татьяне Олеговне, та выделяла ей деньги на проезд и обед в столовой из супа и салата. Мачехе оставалось немного, и она отбирала у Риты деньги... не из-за денег. Ей нужен был контроль над ней.

Тогда Рита впервые ощутила чувство безысходности. И начала думать о смерти. Стоя у окна, она представляла, как выбросится из башни, в которую ее заточила злая ведьма. До этого она мечтала о другом: о принце, что спасет ее из заточения. Рапунцель же спасли. А чем она хуже? И коса золотая у нее имеется.

Институт Рита окончила с красным дипломом. Пошла работать по специальности — учителем начальных классов. Суицидальные мысли перестали ее посещать. Рита убедила себя, что живет не так уж плохо: в прекрасной квартире, с женщиной пусть и вздорной, но адекватной, да еще в отдельной

комнате. Диана съехала, когда Рита училась на третьем курсе. У нее есть любимая работа. Две подруги и один поклонник, учитель физики. Естественно, платонический, поскольку он женат, а Рита никогда бы себе не позволила встать между супругами.

Шли годы. В жизни Маргариты Пахомовой ничего не менялось. С Татьяной Олеговной становилось все тяжелее, но она не замечала этого, потому что изменения происходили постепенно. И одиночество уже не угнетало. В нем имелась своя прелесть. Но все же иногда, не часто, как раньше, а раз в год, на свой день рождения, Рита стояла у окна в надежде на то, что появится принц и спасет ее. Принц не появлялся, и именинница начинала ненавидеть сказки.

* * *

Она зашла в магазин, располагающийся в соседнем доме. Большой, сетевой, в нем бывают скидки, а также просроченные продукты. Надо смотреть, что берешь. Если Рита принесет домой несвежие пирожные, Татьяна Олеговна устроит скандал. Те, что Рита подала ей к чаю, были куплены вчера, и сегодня вполне могли усладить вкус злой мачехи, но на самом деле заветрелись. В том, что пакет порвал Маркиз, Рита не сомневалась. Этот кот был дьявольски умен, хитер и ловок. Капризен, мстителен и наполнен презрения к людям. Хозяйка, Татьяна Олеговна, не была исключением. Маркиз и

ее терпеть не мог. И пакостил, чтобы досадить ей, а не Рите, в которой не видел существа, заслуживающего внимания. А вот мачеха своего питомца обожала. И прощала ему все. Не дочкам – ему. Сводные Ритины сестры оказались такими же неблагодарными и скандальными, как и родительница. Поэтому всем были недовольны и требовали, чтобы мать продала квартиру и отсыпала каждой по мешку денег. Причем не только Диана, но и ее старшая сестра, обосновавшаяся в «гостинке». Татьяна Олеговна наслаждалась жизнью в хоромах, считая их достойнейшим для себя местом обитания, и отмахивалась от дочек. Умру – поделите, говорила она. А те не хотели ждать.

Рита радовалась, что мачеха не отдает квартиру на растерзание. Да, содержание жилья сжирает уйму денег, но это ее фамильное гнездо. И чтобы вернуть его, отцу пришлось на многое пойти. В том числе на ссору с родственниками – Рита при живых двоюродных и троюродных сестрах и братьях, тетях и дядях чувствовала себя сиротинушкой.

– Марго, здравствуй, – услышала она визгливый голос за спиной. Не оборачиваясь, Рита поняла, что к ней обращается дядя Веня. Сосед. Приятель мачехи. Но она называла его ухажером. Вот уже десять лет.

– Добрый день, – поприветствовала дядю Веню Рита, повернувшись к нему лицом.

– Как Танечка?

– В порядке. Спасибо, что поинтересовались. А как вы по-

живаете?

– По-разному, милая. Вот, например, вчера вечером...

Дядя Веня был старым холостяком. Он жил с матушкой и если когда-то и мечтал о личном счастье, то очень и очень давно. Когда он стал оказывать Татьяне Олеговне знаки внимания, та тут же сделала стойку. Как мужчина ее дядя Веня не привлекал, но он жил в престижной квартире, пусть и крайне запущенной, а мачеха была не прочь заграбастать еще одну. Да и статус замужней женщины ее привлекал. Поэтому она принимала ухаживания дяди Вени более чем благосклонно. И планировала четвертое замужество, пока не познакомилась с предполагаемой свекровью. Старуха за жизнь пару десятков невест забраковала – ни одна из них не была достойна ее сыночки, но с возрастом поняла, что она не вечна и Вене кто-то нужен. Но только не Татьяна Пахомова. Кто угодно, а не эта черная вдова. И костями легла, чтобы помешать сыну натворить глупостей. Веня маму в очередной раз послушал и отказался от женитьбы. И мачеха успокоилась. Решила подождать, когда старуха отдаст богу душу. Но та к праотцам не собиралась, хоть и отметила в этом году девяностолетие.

– Что вы сказали? – переспросила Рита, прослушав большую половину из того, что рассказал дядя Веня.

– Убили, говорю, мужчину неподалеку от нашего дома, – с готовностью повторил он. – А я как раз возвращался из магазина. По вечерам на скоропортящийся товар двадцати-

процентные скидки, вот я и... — дядя Веня пустился в объяснения, Рита не понимала зачем, но прерывать не стала. Хорошо, что сосед быстро вернулся к главному: — Я увидел скопление людей и машины с мигалками, остановился, чтобы узнать, в чем дело. Хотя лучше бы мимо прошел! Потому что я чем-то привлек внимание полиции, и они начали расспрашивать, не знаю ли покойного... Я так разнервничался, что дома пришлось сердечные капли пить. Мне и маме. Я ее своим неврозом заразил.

— А вы знали покойного?

— Нет. Но это же ужасно, когда поблизости кто-то погибает. Мы живем в приличном районе, но и тут кругом бандиты.

Дядя Веня аж взмок от волнения. Его покатым лбом покрылся каплями пота. Поскольку он всю жизнь ничего не решал, в том числе на работе, хорошо кушал, не пил и не курил, потому что мама не разрешала, и каждый год с ней ездил на воды, то очень хорошо сохранился. Ему можно было дать сорок пять — сорок семь, хотя он уже ушел на пенсию. Но сейчас дядя Веня выглядел как старик с этим своим потным лбом и покрасневшими щеками. Рита испугалась за него — вдруг удар хватит? И стала успокаивать.

Тут зазвонил сотовый. Это Татьяна Олеговна посчитала, что падчерица намеренно задерживается, поскольку за то время, что она отсутствует, можно трижды купить то, за чем ее послали, и вернуться домой.

Свернув разговор с дядей Веней, Рита быстро закинула

в корзину пирожные для мачехи и консервы для ее кота и побежала на кассу.

Стоя в очереди, она крутила в руках телефон. Это был дорогой аппарат. Повинуясь воле Татьяны Олеговны, Рита приобретала для себя бюджетные вещи. Но когда сломался ее древний сотовый, она купила себе продвинутую модель. А все потому, что мачеха совершенно не разбиралась в современной технике. И поэтому немного ее побаивалась. Чем больше у телефона функций, тем он страшнее. Рита даже пыталась взять айфон, чтоб запоротить его при помощи отпечатка пальца, но пожалела денег. Можно придумать сложный пин-код, и тогда Татьяна Олеговна не сунет в ее сотовый свой любопытный нос.

Еще полгода назад Риту бы это не смутило. Да, у нее были свои маленькие тайны, и она не хотела бы, чтоб мачеха читала какие-то сообщения от подруг, поэтому стирала их. А так как телефон был допотопным, то Интернет она не подключала, а фотографий не делала – они получались отвратительного качества. Сейчас же Рита хранила в своем аппарате столько тайн, что если б Татьяна Олеговна каким-то чудом пробралась в него и изучила содержимое папок, то пришла бы в ужас. Регистрация на сайте знакомств – раз. Любовная переписка – два. Фотки пусть легкого, но эротического содержания – три.

На сайте знакомств Риту зарегистрировала подруга. Без спросу. Составила анкету и поместила пару удачных сним-

ков. Она же первое время отвечала кавалерам, чтобы отсеять фейков, извращенцев, неадекватов и женатиков. И когда собрала компанию более-менее нормальных мужчин из шести человек, познакомила Риту с ними. Та, естественно, сначала психанула и отказалась общаться, но потом смягчилась. В Сеть выходила через школьный компьютер. А тут и старый телефон накрылся. И тогда Рита совершила невозможное – наплевав на мнение мачехи, взяла в кредит новороченный телефон. Благодаря ему и сайту знакомств ее вечера стали менее безрадостными. Она не встречалась ни с одним из кандидатов, но вела с каждым из них долгие беседы.

Принца Рита нашла не на сайте. В реальной жизни!

Она налетела на него, перебегая дорогу на желтый свет. Торопилась попасть домой, чтобы накормить мачеху ужином, и неслась сломя голову. Красный для пешеходов загорелся, когда она была на полпути. Рита могла бы попасть под колеса авто, если бы ее не спас лучший в мире мужчина. Она сразу поняла, что он такой. Едва в его глаза заглянула.

Принц проводил ее до дома. Взял телефон и написал вечером смс. Она ответила. Так начался их роман. И это произошло два с половиной месяца назад.

Рита не заметила, как подошла ее очередь. Расплатившись, она вышла из магазина. Нужно было спешить, но она решила, что раз ей все равно попадет, можно немного задержаться и посидеть в сквере. Плюхнувшись на лавочку, она задрала голову и посмотрела на окна своей комнаты – имен-

но они выходили на эту сторону. Окна были зашторены, но Рите казалось, что она видит в одном из них девушку с золотой косой.

Себя юную.

Зазвонил телефон. Рита не стала доставать его, чтобы ответить. Естественно, это Татьяна Олеговна. Злая мачеха, от которой бедная Золушка скоро избавится.

Да, принц обещал спасти ее. Он ничего не скрывал. И Рита знала, у него отношения. Но не гармоничные, тягостные. Принц обещал разорвать их со дня на день. И сделав это, стать целиком и полностью Ритиним.

Телефон замолк. Но не прошло и минуты, как вновь затрещал. Рита вытащила его из кармана и вскочила с лавки. К ее удивлению, номер на экране отразился не мачехин. Ей звонил принц! Причем уже второй раз. Хотя у них был договор не набирать друг друга в выходные.

Он все решил! Расстался со своей женой. И ему не терпится сообщить об этом?

– Алло, – взволнованно выпалила Рита.

– Здравствуйте, – услышала она незнакомый голос.

– Это кто?

– Старший уполномоченный Замятин. Уголовный розыск. Как я могу обращаться к вам?

– Я Маргарита Ивановна Пахомова, – растерянно протянула она.

– Маргарита Ивановна, кем вам приходится владелец это-

го номера?

– Знакомым.

– Хорошим?

– Да, а что такое? Почему вы звоните с номера Коли?

– Дело в том, что ваш хороший знакомый вчера был убит.

И последний номер, по которому он звонил, принадлежит вам.

Глава 4

Илья плохо спал. Можно сказать, совсем не спал.

Проваливался в дрему и тут же из нее выныривал. Хотя скорее всего ему только казалось. Потому что утро наступило совсем скоро. И защекотало прикрытые веками глаза солнечными лучиками. В гостиной не было ночных штор. Илья хотел, чтоб комната была пронизана светом.

Протянув руку к столику, Бердников взял телефон, который туда положил, готовясь ко сну. Пять часов сорок шесть минут. Илья, даже когда работал, просыпался в семь тридцать. А мог и до восьми проваляться.

Вот тебе и новая жизнь!

Он встал, потянулся, хрустнув косточками. Диван вроде и большой, и удобный, а все равно на кровати спится лучше. Потому что привычнее. Спал Илья в пижамных штанах и майке. Чтоб, если что, вскочить и не быть голым и незащищенным. Поэтому тут же прошел в уборную, не забыв по дороге заглянуть в комнату, выделенную Лизе. Госпожа Весенняя спала, свернувшись калачиком. Дышала мерно и чуть посапывала.

Через пять минут Илья вернулся на диван, но с планшетом. Он достал его из сейфа, куда спрятал все ценности, приютив незваную гостью. Просмотрел городскую криминальную хронику. Об убийстве «буржуя» в ней сообщалось

вскользь. В городе-миллионнике за вечер произошло не одно преступление, и каждому не стали уделять внимание.

Тогда Бердников вышел на туристические порталы. Но мысль о путешествиях ушла на задний план, и он заскучал. Прилег. И снова уснул. Уже крепко.

Пробудился чуть ли не в одиннадцать. И тут же помчался на кухню, чтобы сделать себе завтрак. Есть хотелось нестерпимо.

Он взял глубокую чашку, разбил в нее яйца и стал взбивать. Омлет – это то, что Илья обычно ел на завтрак. Простой, с зеленью. Но сегодня он решил добавить к нему бекон и гренки.

– Как вкусно пахнет, – услышал Илья за спиной.

– Доброе утро, – поприветствовал он гостью, обернувшись.

– Доброе...

Лиза, потирая глаза, стояла в дверях. В футболке Ильи и, как ни странно, его носках.

– У меня ночью замерзли ноги, я понаглела и залезла в комод, – сказала госпожа Весенняя, поймав взгляд Бердникова.

– Вам они идут больше, – улыбнулся Илья. Лиза выбрала самые необычные носки, в горох. Эти носки ему кто-то подарил ради прикола. – Садитесь, сейчас будем кушать.

– Я в ванную сбегая и вернусь. – И унеслась, уютно топоча по паркету обтянутыми махровым трикотажем ступнями.

А Илья разложил по тарелкам омлет и разлил по стаканам чай.

Госпожа Весенняя появилась вскоре. Плюхнулась на стул и начала жадно есть. Тоже проголодалась.

– Как спалось? – поинтересовался Илья.

– Отлично, – ответила она с набитым ртом.

– Лиза, а как вы смотрите на то, чтоб нам перейти на «ТЫ»?

– Положительно, – прожевав, ответила госпожа Весенняя. – Очень вкусный омлет, спасибо, Илья.

– Мне кажется, ты не наелась. Хочешь, блинчиков испеку?

– А ты умеешь?

– Это только вам, женщинам, кажется, что холостяки могут лишь пельмени варить. Так будешь блины?

– Буду.

Бердников достал специальную муку и молоко. Быстро замесил тесто. На самом деле он был типичным холостяком и редко себе готовил. Питался в ресторанах или заказывал еду на дом. Но завтраки – это святое. Поэтому омлет и блины Илья готовить умел. А еще ленивые ватрушки. Но в последнее время даже их было лениво печь.

– Что тебе снилось? – спросил Илья, поставив сковородку разогреваться.

– Сначала какая-то снежная равнина, по которой я бежала и бежала. Мне было тревожно. Это замерзли ноги, поэтому и снился холод. А когда они согрелись, я видела океан. Он

был таким же бескрайним, как снежная пустыня. Я плавала в нем, и это было приятно. – Лиза отхлебнула чаю. – Но и в плохом, и в хорошем сне я была одна. Как последний человек на Земле.

– То есть ты ничего не вспомнила?

– Абсолютно ничего, – тяжело вздохнула она.

– Не расстраивайся. Вернется к тебе память, надо только подождать.

– Нет у меня времени, Илья. Я в ледяной пустыне, которая благодаря тебе стала теплым океаном. Мне комфортно у тебя... С тобой... Но я все равно чувствую себя как последний человек на Земле. У меня нет родителей, родственников, мужа, детей, друзей. Хотя они наверняка есть. Кто-то да есть. Пусть не муж или ребенок, но тетя, дядя, лучшая подруга...

И потянула ко рту кулак, чтобы куснуть костяшку указательного пальца. Илья перехватил ее руку, легонько сжал, ободряя Лизу.

– Вчера я звонил господину Лившицу, – сказал он. – Решил, что самый простой способ узнать, кто ты, это спросить у него.

– Да, верно! Мы с ним были большими друзьями – дядя Абрам вообще очень любил детвору. Остальные взрослые отмахивались от нас, а он был внимателен ко всем. Выслушивал, давал советы, помогал чем мог. И с отцом моим он был в приятельских отношениях. Опять же, ты говоришь,

что купил квартиру у него.

– Абрам Карлович не ответил на мой звонок. Возможно, он был слишком поздним. Поэтому я не стал еще раз набирать, сделаю это сегодня.

Илья вообще-то мог связаться с бывшим начальником службы безопасности его фирмы, отставным подполковником ФСБ, и получить сведения о Лизе максимум через час. Но так не интересно. Бердников ввязался в квест для того, чтобы себя развлечь, и должен сам, без помощи профессионалов, пройти эту игру до конца.

– Постой, а Макар Васильевич, лифтер, все еще тут работает? – встрепелась Лиза.

– Уже нет.

– Жаль. Он всех-всех знал. Не только жильцов, но и их гостей. Охранял подходы к лифту, как... – Она на секунду задумалась, и Илья подсказал:

– Государственную границу?

– Точно, – рассмеялась Лиза. – А что там с блинчиками?

– Сковородка еще не разогрелась.

– И что?

– На такой первый блин будет комом.

– Я, видимо, совсем не умею готовить, раз этого не знаю, – насупилась госпожа Весенняя.

– Кого из соседей ты помнишь?

– Семеновых, Дроздовых, Ашкарянов...

– Нет, фамилии мне ни о чем не говорят. Я тесно ни с

кем из соседей не общаюсь. Но кого-то знаю в лицо. Например, соседку сверху. Она постоянно спускается ко мне: то за спичками, то за солью. Женщина лет пятидесяти пяти, которая считает, что ей больше тридцати не дашь. Любит заколки с цветами и глубокое декольте. У нее на шее крупная родинка.

– Раньше над нами жили две старые девы. Сестры Михельсон. Им уже тогда было за шестьдесят. И их покойный отец был премьером нашей оперы. Большой городской звездой. Они постоянно слушали записи исполняемых им арий, а заодно и мы, хотя в доме очень толстые стены.

– Есть еще мужик, который когда-то был очень толстым, а теперь просто толстый, без приставки очень. То есть скинул кило пятьдесят, но все равно весит сто при росте сто семьдесят. Он бегают по лестницам вверх-вниз, как будто не может себе купить абонемент в зал или кардиотренажер.

Он рассказывал это Лизе, а сам следил за сковородой. Пожалуй, можно налить на нее тесто. Но побольше, чтобы не порвалось. Илья любил тоненькие блинчики, с дырочками. Но такой на плохо прогретой сковороде не испечь, а госпожа Весенняя хочет кушать.

– А кто в башне живет? – спросила Лиза, и Илья едва слышал ее голос, потому что вылитое на горячее масло тесто зашипело и затрещало.

Ох уж эта башня! В ней всего одна квартира. И объективно, и субъективно, как хочешь к этому подходи, лучшая в

доме. Именно ее хотел купить Бердников, когда нацелился на приобретение жилья в «мавзолее» (или «шпильке», как называли дом ранее). Ему всегда казалось, что нет ничего более крутого, чем проживание в башне. Ты на самом верху. Над тобой только звезды – небесные и та, что венчает шпиль. Вид потрясающий из любого окна. Все помещения квадратные, большие, а потолки выше, чем в остальных квартирах. Но это все объективно. А субъективно – Илья еще ребенком мечтал о том, чтоб жить в башне. Он останавливался возле «шпильки», задирал голову вверх и смотрел на нее до тех пор, пока шея не начинала болеть. Он и офис себе купил на последнем этаже здания. Но разве могли сравниться эти современные футуристические высотки со сталинской готикой?

Квартиру в башне ему не продали. Ни за какие деньги. Хотя Илья космических и не предлагал. Он деньгами не сорил, как, пожалуй, все, добившиеся успеха с трудом и без чьей-то помощи, потом и кровью, можно сказать. Но озвучил хорошую цену с учетом того, что в квартире не было ремонта как минимум пятнадцать лет. Цена была выше рыночной на порядок. Ему отказали. Причем в далеко не мягкой форме.

– В башне живут две женщины, молодая и пожилая, – ответил Илья Лизе. – Не знаю, кем они друг другу приходятся. Молодая обращается к пожилой на «вы». Как обеих зовут, сказать не могу, не помню. Но отношения между ними явно натянутые.

– Там жили Пахомовы. Бабушка, мать, отец и дочка. Бабушка умерла. А через несколько лет мать... Я помню, что погибла она как-то нелепо. – Лиза вцепилась зубами в костяшку указательного пальца. Если бы Илья не был занят блинами, шлепнул бы ее по рукам. Наверняка госпоже Весенней в детстве доставалось от родителей. – Девочку звали Маргаритой! – вскричала она. – Сокращенно Ритой.

– И какая она?

– Тихая, приятная, с косой золотой.

– О да, это молодая. – Илья откинул первый блин на тарелку. – Тихая, приятная, с золотой косой.

– Но что за пожилая женщина, что живет с ней?

– Раз отец Риты овдовел, то, вполне вероятно, что он еще раз женился.

– Значит, мачеха. Она злая?

– Фурия просто.

– Жаль Риту. Она никогда не могла дать отпора. Не скажу, что мы дружили, но общались.

– Значит, позавтракав, мы отправимся в башню. – Лифт туда вел как раз из центрального подъезда, в котором проживал Бердников.

Лиза заметно занервничала.

– Что такое? – поинтересовался Илья, перевернув второй блин.

– Знаешь, а в неведении есть свои плюсы...

– Боишься узнать о себе что-то нелицеприятное?

– Конечно, – серьезно кивнула она. – Напоминаю тебе, я ничего не помню. И все, что услышу от Риты, будет откровением для меня. Но не факт, что фактом. Понимаешь, о чем я?

– Да. Рита выскажет свое мнение о тебе, но оно... всего лишь ее мнение. Но мы мухи от котлет отделить сможем. И главную информацию получить, а именно узнать, какая такая у тебя весенняя фамилия. Потом сделаем запрос и получим все твои данные.

– А дяде Абраму не будешь перезванивать?

– Ты хочешь этого?

– Мне хотелось бы с ним поговорить.

– Тогда сбегай за моим телефоном, он на столике возле дивана, потому что я не могу отлучиться от плиты.

Лиза тут же унеслась. При дневном свете, как отметил Илья, она выглядела постарше. Не на двадцать пять. Но зато ее глаза сверкали так, что ни припухлости под ними, ни морщинки в уголках были не важны. А ножки какие! Гладкие и загорелые.

– Вот! – выпалила Лиза, вернувшись и протянув телефон Илье. Он, скинув еще один блин на тарелку, взял сотовый, но тут же отложил. – Давай поедим сначала? Вот тебе первая партия. В холодильнике есть мед и сметана. Достань что хочешь.

– А варенья нет?

– Увы.

– Люблю вишневое. С косточками.

– А мужчин каких? – как бы между делом спросил Илья.

– Которые умнее и во всех смыслах лучше меня. Хочу тянуться.

– Были такие?

– По ощущениям – да. Но точно сказать не могу. – Она достала из холодильника мед и сметану. И замерла с банками в руке. – Странно, правда? Такие вещи не должны выветриваться из памяти.

– Нужно узнать от докторов, но ты их боишься.

– Прости меня.

– За что?

– За то, что навязалась на твою голову. – Она села на место и с сосредоточенностью принялась откручивать крышку с банки меда. – Какой сегодня день недели?

– Суббота.

– Значит, ты поэтому не на работе... Не из-за меня.

– Не из-за тебя. – Когда сковорода раскалилась, блины стали готовиться за считанные секунды. И тоненькие, как Илья любил. Он решил испечь еще штуки три и закончить. – А эта Рита... Она какого возраста?

– Примерно моя ровесница. Но мы не учились ни в одном классе, ни параллельно. Может, в другую школу ходила?

– То есть ей около тридцати? А на вид двадцать от силы.

– Так хорошо выглядит? – Илье показалось, что в голосе Лизы прозвучали ревнивые нотки.

– Скорее, странно. Сейчас среди подростков не встретишь таких девушек: без грамма макияжа, с обычной косой, перетянутой резинкой, в асексуальной мешковатой одежде.

– Она как будто не изменилась. Я именно такой Риту помню. – Лиза повела носом и зажмурилась. – Как же вкусно пахнет!

– Так налетай.

– Нет, я подожду тебя.

Зазвонил телефон. Бердников покосился на экран. Все рабочие контакты были им заблокированы еще вчера, поэтому звонить могли только свои. Или господин Лившиц. Но номер был какой-то «левый», и Илья трубку не взял. Вместо этого перебросил последний блин на тарелку, выключил газ и занял место за столом.

Ели молча. Наслаждались.

Опустошив тарелку, откинулись и выдохнули.

– Ща спою, – просипела Лиза, подражая волку из мультфильма.

– Давай. Какая твоя любимая песня?

– Из «Титаника». Но исполнить не смогу, у меня слуха нет.

– Такая же беда. – Илья тяжело поднялся – объелся – и стал убирать со стола. Лиза не помогала. Хотя от женщины ждешь именно этого. – Ты иди в порядок себя приводи, пойдем к соседям.

– Да, хорошо. А дяде Абраму позвонить?

– Точно! – Илья вновь набрал номер Лившица и снова не получил ответа. О чем сообщил госпоже Весенней.

– А его мастерская все еще работает?

– Нет, закрыта.

Она кивнула и отправилась в комнату. Илья, бросив посуду в мойку, тоже пошел одеваться. У него была домработница, но он ее рассчитал, так что порядок дома наводить все равно ему придется, но сделает он это позже.

Они вышли из комнат одновременно. Илья в спортивном костюме – им даже из подъезда выходить не надо, Лиза в джинсах и кофточке. Волосы она собрала: заплела в фигурную косу и концы как-то подвернула, что получился пучок. Такая прическа ей шла. Тем более госпожа Весенняя умудрилась уложить челку таким образом, что шишки не было видно вовсе, а только часть ссадины.

Они вышли из квартиры и вызвали лифт. Поднялись на последний этаж. Бердников первым подошел к двери и постучал. Когда он приходил сюда, звонок не работал, и он не думал, что его починили.

Им долго не открывали. И все же дверь таки распахнулась. На пороге стояла пожилая женщина, опираясь на костыли.

– Опять вы? – воскликнула она и тут же пошла пятнами. Узнала Бердникова! – Я же вам русским языком сказала – квартира не продается.

– Во-первых, здравствуйте, – спокойно проговорил он. – Во-вторых, я не заинтересован в покупке вашей квартиры.

А в-третьих, мы не к вам, а к Рите.

– К Рите? – переспросила женщина с таким удивлением, будто услышала, что визитеры хотят увидеть барабашку, живущую в ее доме.

– Мы можем с ней поговорить?

– Даже не знаю... – Она выглядела растерянной. – Не думаю, что у вас получится.

– Рита дома? – встряла госпожа Весенняя.

– Да. Но она сама не своя. Я знаю ее двадцать лет и ни разу такой не видела. С ней что-то случилось сегодня. Если б я верила в инопланетян, решила бы, что за то время, что Маргарита ходила в магазин, ее похитили и что-то с ней сотворили.

– Вы разрешите войти?

Женщина колебалась. Она была враждебно настроена в отношении Бердникова изначально, но Лизу, судя по всему, видела впервые и не знала, как к ней относиться.

– Я жила тут когда-то, – сообщила госпожа Весенняя. – В этом подъезде. Меня Лизой зовут. И мы с Ритой дружили. Вот решила навестить ее.

– Тогда вы как нельзя кстати, – оживилась женщина. – Меня зовут Татьяна Олеговна. Я ее мать. Не родная.

– Мачеха? – зачем-то решил уточнить Илья.

– Да, – неодобрительно покосилась на него Татьяна Олеговна. – И я впервые беспокоюсь за свою дочь.

– Падчерицу.

– Какой вы неприятный человек! – вскипела женщина. – Не хочу вас видеть в своем доме. Уйдите.

– Без меня никак, увы. Так мы войдем?

Татьяна Олеговна посмотрела на Лизу, та скорчила гримасу, и хозяйка квартиры посторонилась. Гости вошли. За ними тут же заперли дверь на три замка.

В квартире пахло неприятно. Бердников отметил это еще в свой первый визит. Затхлостью и кошачьей мочой. В помещении явно хранилось много ненужного барахла и обитал кот. Именно кот – не кошка. И кот, как подобает самцу, метил углы и пакостил, пуская струи, когда что-то было не по его.

– Лизочка, прошу вас, будьте деликатны, – шептала злая мачеха, которая в данный момент совсем не казалась злой. – Марго неадекватно реагирует на все, что ей говорят. Например, когда я попросила дать мне пирожное, за которым она и ходила в магазин, она... Она запустила им в меня! И скрылась в своей комнате. Я попыталась узнать, что с ней, но слышала брань. Меня, Лизочка, послали на... хутор бабочек ловить.

– Да, это не похоже на Риту.

– А я вам о чем! Ее как подменили. И отсутствовала-то всего двадцать минут. Максимум полчаса.

– Где ее комната?

Татьяна Олеговна указала на одну из дверей. Илья отметил, что дверь дубовая. И если ее отреставрировать, будет

просто загляденье. В его квартире двери были из сосны, и он их сменил.

– Татьяна Олеговна, вы, пожалуйста, пока устранились, – попросила Лиза. – Мы зайдем, все разведем. А потом вас позовем.

– Нет, ну как же? Я должна знать...

– В нас она еще пирожным не кидалась, поэтому дайте нам десять минут.

– Хорошо. Я пока поставлю чаю. Мне тяжело. Я, как вы видите, еле хожу, но законы гостеприимства требуют...

Илья не стал ждать окончания тирады, толкнул дверь и вошел в комнату.

Комната была огромной, как и остальные. Выходила на север. Пожалуй, спальня Риты была самой неудобной среди всех комнат, но зато какой открывался вид из окна: Волга, оба берега, церковь Успения, деревянные домики, кремль, охраняемый как памятник истории ЮНЕСКО, с ближайшей стороны, заводская махина и Адов холм с другой. На том холме когда-то Стенька Разин казнил неудобных. Столько крови пролил, что на холме перестала расти трава. Но спасибо растениям-мутантам, выведенным на благо человека. Вот уже несколько лет холм зеленеет даже зимой, и венчает его дерево желаний. Губернатор решил, что именно там, с изумительным видом на великую реку, люди должны мечтать о чем-то хорошем.

– Здравствуй, Рита, – услышал Илья голос Лизы. Он

немного отвлекся.

Девушка, что сидела на кровати спиной к двери, не ответила. Бердников узнал ее по косе. Толстая, золотая, доходящая Рите до поясницы – чудо, а не коса.

– Что с тобой?

Девушка шевельнулась. Но лишь для того, чтобы отогнать кота. Он сидел у ее ног и лизал пирожное. Очевидно, что Рита запустила в мачеху не единственное.

– Тебя похищали инопланетяне? – спросил Илья.

Та хохотнула. Но горько.

– Да говори уже. Чего молчишь? – И, подойдя к Рите, встряхнул ее за плечи.

– Да пошел ты!

– На хутор бабочек ловить? Мы займемся этим с твоей мачехой сразу после того, как ты объяснишь, что с тобой.

– Ты кто?

– Да никто я. Так, зашел по случаю. С ней разговаривай, – Илья указал на Лизу.

– Но тебя я откуда-то знаю, а ее нет.

– Я хотел вашу квартиру купить четыре года назад.

– А она? – Рита не смотрела ни на кого, ее взгляд был устремлен в стену, но она вела вполне осмысленный диалог.

– Она не хотела. Но жила тут, в доме. Лиза ее зовут. Не помнишь?

– Картошкина?

Бердников вопросительно воззрился на Лизу.

– А что? Все весной картошку сажают, – пробормотала она. – Мы, когда бабушка жива была, всей семьей ездили за этим на дачу, и это было здорово...

– Значит, ты Елизавета Картошкина?

– Наверное, – вздохнула она.

– Да, это она, – вновь вступила в диалог Рита. – Теперь я ее узнала. У нее в квартире были такие красивые краны и ручки, что я даже думала скрутить что-нибудь. Мне нравилась щеколда в туалете...

– В виде дельфина? О да, и я ее обожала. – Лиза села рядом с девушкой. Илья остался стоять. А все из-за кота. Он подошел и плюхнулся на ступни Бердникова. Можно сказать, накрыл их своим телом и замурлыкал. – Так что с тобой произошло за те двадцать минут, что ты ходила в магазин? Расскажи мне.

– Мой мир рухнул...

Лиза ждала продолжения фразы, но его не последовало. Пришлось задать наводящий вопрос:

– Что стало причиной этому?

– Смерть.

Илья взял кота на руки и уселся рядом с девушками. Старая кровать протестующе заскрипела. Вес троих человек был слишком большим для нее.

– Не думала, что когда-нибудь это увижу, – пробормотала Рита.

– Чью-то смерть? – уточнил Бердников, легонько потянув

кота за ухо, чтоб тот перестал тереться об его шею. Это было щекотно.

– То, как Маркиз ластится к человеку. Он никому на руки не дается и шипит, если его пытаются гладить.

– Рита, объясни, чья смерть тебя выбила из колеи? Но если не хочешь говорить, мы уйдем, оставив тебя с мачехой, котом и твоим отчаянием.

Лиза метнула в Илью гневный взгляд.

– Не слушай его, – выпалила она. – Я останусь с тобой, и мы будем просто молчать, держась за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.